

ЗАТЕРЯННЫЙ ДОЗОР

СЕРГЕЙ ЛУКЬЯНЕНКО,

ЕВГЕНИЙ ЛУКИН, ВЛАДИМИР ВАСИЛЬЕВ,
ОЛЕГ ДИВОВ, СВЯТОСЛАВ ЛОГИНОВ,
АЛЕКС ДЕ КЛЕМЕСЬЕ И ДРУГИЕ

Лучшая фантастика 2017

**"Новый рассказ Сергея Лукьяненко
из цикла "Дозоры"!"**

Олег Дивов

**Затерянный дозор. Лучшая
фантастика 2017 (сборник)**

«АСТ»

2016

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Дивов О. И.

Затерянный дозор. Лучшая фантастика 2017 (сборник) /
О. И. Дивов — «АСТ», 2016

ISBN 978-5-17-100570-2

Долгожданная коллекция лучших фантастических рассказов 2017 года! Признанные мастера и яркие писатели нового поколения откроют вам новые удивительные миры и помогут по-другому взглянуть на привычную повседневность. Эти яркие, злободневные, увлекательные истории радуют разнообразием жанров: от городского фэнтези и киберпанка до хронооперы и альтернативной истории, от мистики до космооперы, от фантазмагии до постапокалипсиса! И конечно, лучшим подарком станет новый рассказ Сергея Лукьяненко! «Разжечь в людях страсть можно без всякой магии. Но для успеха требуется безумная любовь. Именно она приведет к появлению Абсолютного волшебника...» Любимая всеми сказка, версия... Завулона!

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-100570-2

© Дивов О. И., 2016
© АСТ, 2016

Содержание

Евгений Лукин. На счёт три	6
Владимир Васильев. «Иж-Планета-Спорт»	11
Олег Дивов. Холод, голод, интеллект	18
Святослав Логинов. Дорога, изобильная водой	34
Дмитрий Казаков. Адский червь	44
Антон Первушин. Красное идет	56
1	56
2	59
Конец ознакомительного фрагмента.	60

Затерянный дозор. Лучшая фантастика 2017

© А. Т. Синицын, составление, 2016

© Коллектив авторов, 2016

© ООО «Издательство АСТ», 2017

Евгений Лукин. На счёт три

*Мне снилось: я проспал свой главный сон.
Великий Нгуен*

Она обожала пересказывать сны, и остановить её было трудно. Не знаю, что ей там грезилось на самом деле, но изложение звучало всегда настолько монотонно и безлико, что из него не запоминалось ни словечка. Кроме, разумеется, заключительного восклицания: «Ну вот к чему это?!»

Видимо, к повышению цен. Как и всякое сновидение.

На моё счастье, хозяева рассадили нас так, что за праздничным столом я оказался на сей раз поодаль от неё – можно сказать, вне зоны поражения. А вот другому гостю, которого я видел впервые и с которым меня забыли познакомить, повезло гораздо меньше – он был помещён аккурат напротив нашей сновидицы. Подозреваю, хозяйка поступила так умышленно, исходя из соображений справедливости: остальные наслушались с лихвой – теперь очередь новичка.

Провозгласили тост, выпили по первой.

– Ой, слушайте! Что мне сегодня приснилось...

Одни лица привычно приняли страдальческое выражение, другие – глумливое.

И поползло на нас опять нечто тягостное, бесконечное, сравнимое разве что с ежедневной логореей домохозяек: «Иду я сегодня на рынок, а навстречу мне Марья Ивановна, а от неё на той неделе муж ушёл, и вот она мне говорит...» При этом ни Марью Ивановну, ни ушедшего от неё мужа вы, естественно, не знаете и не знали.

Наверное, она и во сны уходила, как на рынок.

Усаженный напротив неё гость внимательно выслушал первые фразы, кивнул.

– Да-да, – рассеянно обронил он. – Помню-помню... Я этот сон уже видел...

И визионерка онемела. Первый раз на моей памяти.

С невольной симпатией покосился я на незнакомца. Наш спаситель обладал примечательной и, пожалуй, несколько гротескной внешностью: язвительный до клювовидности изгиб рта, укоризненно скорбные глаза. Судя по всему, озорник.

А когда уже стали расходиться восвояси, выяснилось, что мне с ним по дороге.

* * *

Последнее время я частенько просыпаюсь от ужаса и восторга, осенённый некой потрясающей идеей. Первые несколько секунд цепенею, заново осозная случившееся, потом судорожно тянусь к стакану с холодным чаем – и обнаруживаю вдруг, что сновидение успело рассыпаться на фрагменты, обесмыслилось, стало откровенно нелепым, а главное: моё великое открытие, из-за которого я, собственно, и проснулся, – исчезло. Не могу его вспомнить.

Озадаченный, делаю глоток, другой, пытаюсь восстановить распавшуюся на звенья цепочку ночных событий – бесполезно. Невосстановимо.

Не исключено, что в момент пробуждения во мне срабатывает некий защитный механизм, разбивающий сон вдребезги. Непонятно, правда, с какой целью.

Ну и как бы я смог всё это вам изложить? Склеивши по осколочку? Используя воображение взамен эпоксидки?

– А в самом деле, – сказал я. – Почему не допустить, что некоторые сны транслируются? Какие-то они у неё, знаете... расхожие... малобюджетные. Сериал сериалом. Вы не находите?

Мы шли ночной улочкой. Фонари, припорошённые листвой, пустые тротуары. Изредка попадётся навстречу одинокий прохожий.

– Почему бы и нет? – не стал противиться мой попутчик. – Но в таком случае... Что вы думаете о режиссёрах? О сценаристах?

– О сценаристах её снов?

– Ну да...

– Бездари! – решительно сказал я. – Унылые бездари с улицы. Из подворотни.

– А ваши?

Я задумался на секунду.

– Н-ну... мои, конечно, уровнем повыше... Нет-нет, да и отчинят что-нибудь этакое... прелюбопытное...

– Например?

Я мысленно перебрал мою коллекцию сновидений.

– Вот... привиделся мне в детстве кошмар... Не бойтесь, пересказывать не стану! Так себе кошмаришко, ничего выдающегося... Интересно другое! На следующую ночь он повторился. Но уже в третьем лице.

– То есть?

– Первый раз всё происходило со мной. Лично со мной. А вот во второй раз я уже следил сам за собой со стороны. С нездоровым любопытством, учтите...

– Действительно, интересно... – вынужден был согласиться мой собеседник. – Ну а потом? Когда повзрослели...

– Тоже иногда случалось. Да вот не далее как позавчера. Проснулся среди ночи. Снова уснул. И приснилось, представьте, будто пересказываю кому-то предыдущее своё сновидение, причём умышленно вру...

– Хорошие у вас сценаристы... – с уважением оценил он. – А что за сновидение?

Я засмеялся.

– Не помню.

– А ещё что-нибудь?

– Да знаете, не хотелось бы уподобляться этой нашей...

– Так а вы и не уподобляетесь. Вы же не содержание перебираете, а так сказать, повороты сюжета... находки, изюминки...

Нас обдало со спины светом фар. По асфальту и по стене побежали косые долговязые тени. Обогнавшая иномарка устроила нам небольшую иллюминацию и, мотнувши сияющим, как Уолл-стрит, крупом, свернула в переулок.

– Ну вот, скажем... Принял однажды первую часть сновидения за явь...

– Это как?

– Н-ну... Сознавал, что сплю, а предыдущий сон считал явью. Обычно бывает наоборот: думаешь, что проснулся, а на самом деле спишь ещё...

– Да, бывает... – Спутник покивал, умолк. – Скажите, вы просто так собираете подобные случаи или пытаетесь всё же их упорядочить... объединить какой-то теорией?

Честно признаюсь, кое-что в нашей болтовне начинало помаленьку меня беспокоить. Он спрашивал – я отвечал. Беседа психотерапевта с пациентом. Однако тема подвернулась столь увлекательная, что я просто не мог удержаться.

– А чем мы, по-вашему, занимаемся в данный момент? Выстраиваем теорию. Анекдотическую, правда, но теорию. Разглагольствуем о трансляции снов, о режиссёрах, о сценаристах... И не исключено, кстати, что заглядываем в будущее.

– В смысле?

– Вот, допустим, отсняли фильм по какой-то вашей любимой книге... С каким чувством вы его смотрите впервые?

– М-м... Да по-разному вообще-то... А вы?

– С возмущением, – не колеблясь, ответил я.

– Почему?

– Потому что всё отснято неправильно... Совершенно не так, как я представлял! Догадываетесь, куда клоню? Пока читаешь книгу, невольно отснимешь по ней кино в своей голове...

– Сам себе режиссёр?

– Именно! – вскричал я. – Чтение – творчество! Труд! Вот и сон тоже... Поймите, как только человек прекращает творить, он вырождается! Если мы в будущем, не дай бог, научимся и впрямь транслировать сны, сделаем из них что-то вроде телефильмов, мы лишим людей последней возможности самовыражения!..

– А почему мы остановились? – спросил он вдруг.

Действительно, краткую свою тираду я произносил стоя в двух шагах от нашей арки, заполненной полумраком грязноватых оттенков.

Опомнися, огляделся, виновато развёл руками.

– Да пришли уже... Вот мой дом.

– Жаль, – признался он – и похоже, что искренне.

Постояли, помялись, соорудили неуклюжее рукопожатие.

– А вы где живёте?

– Квартала три отсюда.

– Ну так давайте я вас провожу...

* * *

И побрели мы вновь по ночным пустынным тротуарам. Неподалёку пролегал проспект. На каждом перекрёстке нас оведало справа невнятным шумом и прохладным полусветом.

– А с другой стороны, всё логично, – удручённо промолвил я. – От фольклора – к литературе, от литературы – к кинематографу...

– Речь шла о снах, – напомнил он.

– Совершенно верно. Говорят, дикари не различают границы между сном и явью. Если кто-то избил тебя во сне, ты имеешь полное право отметить его наяву...

Не знаю, что я такого сказал, но спутник мой оделил меня долгим пристальным взглядом. Как будто заподозрил в чём-то.

– А к чему это вы?

И вопрос тоже. Как-то, знаете, насторожённо он прозвучал.

– Да видите ли... Всегда полагал, что изящная словесность началась именно с переказа снов. Сидели первобыты у костра – ну и делились... видениями... А чем ещё можно объяснить такое обилие фантастики в древнем фольклоре? Врождённой склонностью к вранью? Сомневаюсь... Так что вся художественная литература, на мой взгляд, не что иное, как сновидение в письменном виде...

Попутчик успокоился, усмехнулся.

– И всё же вы немножко отвлеклись, – мягко заметил он. – Почему, например, сны вашей знакомой мало чем отличаются от реальной жизни, а ваши, насколько я понял...

– Может, у неё просто совесть чиста? – пошутил я.

– Вы хотите сказать, что ваша совесть...

– Нет-нет! – торопливо заверил я. – На самом деле всё просто... Дело в том, что не к ночи будь помянутая реальная жизнь – не меньшая бессмыслица, чем сон. Спросить: «В чём смысл жизни?» – можно лишь осознав его отсутствие... Согласны?

– Так-так...

– А нормальный человек не может жить без видимости смысла! И вот люди начинают сообщать этот смысл сочинять. Придумывают себе обычаи, религию, мораль... Ну так если уж они ухитряются даже явь перекроить и упорядочить, то уж сон-то!..

– По краешку ходите, – то ли одобрил, то ли предостерёг он.

Комплимент (если это, конечно, был комплимент) я легкомысленно пропустил мимо ушей. А зря.

– Где-то я читал, будто сны вообще сочиняются нами наяву, – добавил я. – Проснёмся – и давай подсознательно выстраивать всю эту белиберду во что-то понятное, связное...

– Вы согласны с таким утверждением?

– Да нет, пожалуй... Если я, пробудившись, придумал половину сновидения, то что мне мешает придумать и всё остальное? Заполнить пробелы, например...

– Пробелы?

– Ну да... Те части сна, которые я забыл при пробуждении...

– А другие версии есть? Я имею в виду – ваши собственные.

– Ну а как же! Вот, скажем... Что, если сновидение – авральное складирование впечатлений? Так сказать, попытка навести порядок на чердаке в течение одной ночи?

– Погодите, – приостановившись, попросил мой спутник. – Дайте подумать...

Подумал.

– Ага... – удовлетворённо молвил он наконец. – Ну, если так... Живите себе спокойно... Приятно было побеседовать!

И протянул мне руку.

– Пришли уже? – с сожалением догадался я.

Он рассмеялся.

– Хотите, провожу? – в свою очередь предложил он. – Любезность за любезность...

И я согласился, дурак набитый!

* * *

Причина заключалась вот ещё в чём: меня, признаться, слегка задевало спокойствие, с которым он воспринимал мои дерзкие, чтобы не сказать, еретические выкладки. Выслушивал внимательно, с уважением, однако, повторяю: так обычно ведёт себя психотерапевт в беседе с пациентом. Или, скажем, контрразведчик, интеллигентно провоцирующий вражеского агента.

Проспект тем временем переместился влево, откуда нас и овеяло теперь на перекрёстках полущумом и полусветом.

– Возможно, наяву человек просто занимается не тем, чем надо, а сновидение пытается это исправить...

– Необычная мысль... – вежливо откликнулся он. – Причём уже которая по счёту! Вы, наверное, часто об этом думаете?

– Да частенько... – покаялся я со вздохом.

– А какую свою версию вы считаете наиболее необычной?

Что бы ему такое отлить в бронзе? Что сон – единственная наша возможность снова встретиться с ушедшими? Что пребывание в толпе – сон наяву? Что сон Менделеева рождает периодические таблицы?

– Почему бы не предположить, – по наитию начал я, – что явь и сон равноправны? Что это всего-навсего две смежные области бытия? Одна охватывает примерно треть нашей жизни, другая – две трети. Здесь мы заснули – там проснулись. И наоборот!

Внезапно он перестал улыбаться, и я почувствовал: попал! Наконец-то попал в точку. Впечатлил.

– Существует граница, – вдохновенно продолжал я. – Когда мы засыпаем или пробуждаемся, мы пересекаем её! И в момент пересечения то, что было с нами во сне (или наяву!), – рассыпается, становится абсурдным, обрывочным...

Он остановился, хотя до моего дома оставалось ещё полквартиры. Остановился и я, заворожённый собственной выдумкой. Граница... граница... А где граница – там пограничники, там таможенный шмон... Нет, вы посмотрите, как всё сразу выстраивается! Вот, скажем, просыпаюсь я от ужаса и восторга – привиделось, будто совершил великое открытие... А где оно? А нету! На границе конфисковали и уничтожили... Разбили вдребезги!

А сновидица наша, обратите внимание, запоминает свои грёзы преподобнейше... Почему? Да потому что нечего изымать! У неё же ни единой запрещённой к провозу мысли...

А что каждый раз изымают у меня? Уж не эту ли мою догадку?

Очнулся. Мы по-прежнему стояли лицом к лицу посреди гулкой пустой улицы. Чернели оконные проёмы. Граждане дрыхли без задних ног. Впрочем, пара-тройка окон ещё полыхала вовсю. Кое-кто, надо полагать, без задних ног бодрствовал.

– Стоим тут разговариваем... – пробормотал я, чувствуя, как губы сами слагаются в ошалелую улыбку, – а там, наверное, спим себе спокойно в своих постелях...

– Ишь ты!.. – хрипловато выговорил он. – Допёр-таки...

Я вздрогнул, взглянул ему в глаза – и чуть не попятился. Немигающие были глаза, беспощадные.

– Ничего, это мы исправим... – пообещал страшный ночной попутчик, подаваясь навстречу. – Сейчас я досчитаю до трёх – и ты проснёшься... Раз!.. Два!..

Бакалда, август 2016

Владимир Васильев. «Иж-Планета-Спорт»

Как Тигрис и ожидал, дом по адресу Вологодская, 88, оказался древней бревенчатой избенкой. А вокруг, на минуточку, высились вполне приличные даже для ближнего Подмосковья двух-трехэтажные кирпичные коттеджи.

– Привалило наследство, – проворчал Тигрис и мрачно поглядел на соседний дом под номером 90, тоже бревенчатый, маленький и неказистый. Только эти два дома в поле зрения казались ветхими пришельцами даже не из прошлого, а из позапрошлого века.

Но, с другой стороны, дареному коню в зубы не смотрят – потому Тигрис и рванул в Ижевск, едва только узнал о наследстве.

По какой неясной причине дед Степан, на самом деле родственник Тигрису очень дальний, отписал на него дом, осталось загадкой. Вроде тут, в Ижевске, у деда Степана семья какая-то имелась. Тигрис заранее приготовился к теркам с дальними родственниками и еще до того, как увидел злополучную избушку, внутренне приготовился уступать. Удастся хоть сколько-нибудь получить от родственничков наличкой – и отлично, а домом пусть сами владеют. В конце концов, Тигрис был не лишен элементарного чувства справедливости и вполне отдавал себе отчет, что каприз престарелого родственника – еще не повод лишать наследства его собственных детей и внуков. А с дедом Тигриса Степан и родней был весьма дальней – даже не троюродной, дальше. И дружбы особой не водил, скорее наоборот: Степан и дед Тигриса друг друга недолюбливали, хотя и уважали. Всю жизнь они соблюдали между собой вооруженный нейтралитет, но, как рассказала Тигрису мать, никогда не опускались до каких-либо низостей или недружественных действий. Вероятно, не хотели начинать упомянутые действия первыми, так и просидев всю жизнь в бесплодной засаде. Тем не менее сожителяница Степана, плохо известная Тигрису и его родне баба Нюра, отзвонилась в Королев и без особых эмоций сообщила, что дед по завещанию отписал младшему мужчине в роду, Тигрису то бишь, недвижимость в Ижевске. Тигрис, которому жизнь с матерью и двумя младшими сестрами в одной двушке-хрущобе давно надоела хуже горькой редьки, моментально собрал вещички и купил билет до Ижевска. И вот имеет счастье лицезреть «дом». Нет, дом не выглядел совсем уж безнадежной развалюхой, просто вдрызг устарел. Особенно если взглянуть на остальные коттеджи по улице Вологодской – в любую сторону.

Тигрис вздохнул, вынул из кармана врученную бабой Нюрой связку ключей и пошел отпирать ржавый амбарный замок на калитке.

Осмотр гипотетических владений много времени не занял, тем более что кто-то из родственников вовремя озаботился и вывез почти всю мебель, кроме той, которая была ровесницей самому дому. Как Тигрис и опасался, ничего похожего на удобства в доме не оказалось – только дощатый сортир на задах. Водопровода тоже не было, и в холода пришлось бы использовать допотопную печь. Горожанин в третьем поколении Тигрис понятия не имел, как это делается. Да и перспектива бегать в сортир через весь двор, мягко говоря, не грела. Осматривать сарай Тигрис отправился в довольно-таки унылом настроении.

В сараях помимо хлама нашлась только одна достойная внимания вещь – мотоцикл «Иж-Планета-Спорт». При ближайшем рассмотрении оказалось, что этот реликт советского машиностроения прекрасно сохранился: ни малейших следов ржавчины под пылью, да и пробег, если цифры на спидометре соответствовали истине, лишь немного превышал двести километров. Не похоже, чтобы он все годы с момента выпуска провел в сарае – кто-то однозначно хранил его в теплом гараже и не ленился следить-смазывать, но почему-то не ездил. Резина выглядела почти новой, так что, вполне возможно, спидометр и не врал.

Минутой позже Тигрис сообразил, отчего связка ключей была такой увесистой, хотя висячих замков ему пришлось отпереть всего три: на калитке, на доме и на сарае. А ключей в

кармане брякало куда больше – целых девять. И три из них совершенно точно были от мотоцикла: на черных пластиковых головках красовался узнаваемый буквенный логотип «ИЖ».

– Иж ты! – пробормотал Тигрис, нарочито выделяя букву «ж», хотя это и было неправильно.

Осмотр Тигрис вскоре завершил, все запер и отправился в загодя снятый гостиничный номер. По дороге очень кстати позвонила баба Нюра, с которой удалось достаточно внятно переговорить. Из разговора Тигрис вынес главное: родственнички дома на Вологодской, 88, побаивались. И теперь не скрывали радости, что все это счастье досталось не им. Конечно, это было странно, но наверняка имело какое-нибудь рациональное (или не очень рациональное) объяснение. Допустим, престарелая баба Нюра могла опасаться неких мифических сглазов или привидений. Но народ помоложе? М-да...

«Надо будет заказать риелторам проверочку, – подумал Тигрис озабоченно. – Может, там с собственностью что-то неладно, вот родственнички связываться и не хотят».

Но такая проверочка будет стоить денег, которых у Тигриса было негусто. Как решить эту досадную проблему, Тигрис придумал довольно быстро.

В сети он как-то вычитал, что старые советские мотоциклы в хорошей сохранности стоят немалых денег. Во всяком случае, решил он, на риелторскую проверочку должно хватить. А гонять на сем пыхтящем чуде по загазованным российским дорогам Тигрис уж точно не собирался.

В номере он развернул ноутбук и начал поиски местных купи-продай форумов. Первый сайт, куда Тигрис заглянул, был форум izhevsk.ru. Лениво покликав по ссылкам и так и не найдя раздела продажи авто-мототехники, он полез дальше, однако, как назло, не преуспел. Такое впечатление, что в Ижевске автомобилями и мотоциклами вообще не торговали.

Наверное, этот раздражающий факт, а еще воспоминание о совете приятеля Витьки – того самого, который прозвал Тигриса Тигрисом, за любимую футболку в рыже-черную полоску, – подвигли его на написание весьма необычного объявления в первом попавшемся разделе на izhevsk.ru.

«Твое объявление, – говорил Витька, – должно притягивать внимание. Должно отличаться от нескончаемого потока безликих предложений. За него должен цепляться глаз. Только в этом случае ты продашь свой товар быстро».

– Отличаться, говоришь? – пробормотал Тигрис и потянулся к клавиатуре.

«Продам космический корабль. Марка «Иж-Планета-Спорт». Состояние нового. Налет всего-навсего 200 световых лет. Спешите!»

Потом Тигрис отвлекся: позвонила мама. Пришлось долго и развернуто излагать подробности сегодняшних смотрин, а вдобавок клясться, что родственники не строят никаких козней. Вроде бы. Как и все женщины, мама была многословна и необъяснимо истерична, так что впустую Тигрис потерял больше часа, потом психанул, резко попрощался, сбросил вызов и поплелся в буфет залить нервы пивом, а заодно и беляш какой-нибудь слопать – или что там принято есть в ижевских гостиничных буфетах? В Казани – эчпочмаки.

Оказалось, удмуртские аналоги именуются перепечами и на вкус вполне себе ничего. А пиво – что нынешнее пиво? Оно по всей матушке России одинаково химическое и противное. Но нервы Тигрис все же пригладил, а попутно и голод утолил.

В принципе визит в буфет смело можно было приравнять к ужину. Тигрис уже довольно благодушно размышлял, что надо допить бутылочку и идти в номер. Там еще часок пошарить в сети, все-таки найти нормальный купи-продай форум и дать нормальное объявление, а про звездолет, наверное, стереть к чертям, чтобы не забанили. А если уже успели забанить – то и хрен с ним, с ижевском. ру. А через часик-полтора заваливаться спать, дабы встать пораньше, а то всякие юристы-адвокаты-риелторы зачем-то работают с утра, а не как все нормальные люди.

Однако все пошло не так.

В буфет, где, кроме Тигриса и буфетчицы, присутствовала только унылая дамочка средних лет, внезапно ввалились трое в штатском. Все как на подбор – плечистые, стриженные и мордатые. Но на бандитов не похожи: слишком уж взгляды умно-официальные, а пиджаки, наоборот, простые. Тем не менее Тигрис напрягся, поскольку все трое подошли именно к нему, хотя сильнее всего при их появлении оживилась унылая дамочка.

– Смирнов Александр, номер тридцать шесть? – негромко осведомился крепыш, стоящий по центру.

Судорожно проглотив пиво, Тигрис несмело кивнул, поскольку имя и фамилия были названы верно, а немудрящие его пожитки в данный момент пребывали как раз в тридцать шестом номере гостиницы этажом ниже.

– Пройдемте! – не терпящим возражений тоном велели Тигрису и тотчас взяли под локотки.

В сторону буфетчицы свободный от локтей Тигриса крепыш взмахнул красной книжечей, и та торопливо закивала.

Сначала Тигриса отвели в номер, от чего стало до смерти неудобно и тревожно на душе. Он уже начал догадываться, что завтра ставить подписи на документах о вступлении во владение недвижимостью ему вряд ли придется. Заодно пришло запоздалое прозрение: вот почему родственнички не спешили подмять наследство под себя. Однако ребята только забрали вещи Тигриса, включая ноутбук и зубную щетку, и повели из номера прочь, сначала к лестницам, потом на первый этаж, в фойе. Дамам на поселении главный из троих конвоиров величаво кивнул, и те кивнули в ответ, словно старым знакомым.

Перед гостиницей дожидался кубический джип тускло-черных тонов. Как раз стемнело, поэтому его бока отражали лишь скудные огни, пробивающиеся из фойе.

Без лишних слов Тигриса запихали на заднее сиденье, подперли с обоих боков, и джип тронулся.

Ехали долго. Сначала через город, потом, если Тигрис правильно сориентировался, куда-то на север по трассе. Однажды в свете фар мелькнул указатель с названием «Сельчка», а потом джип свернул налево и въехал в самостоятельно открывшиеся ворота. Въехал, попетлял по внутренним дорожкам и остановился. Все путешествие заняло от силы двадцать – двадцать пять минут, во время которых Тигрис приготовился к наихудшему. Ноги дрожали, хотя штаны вроде бы пока оставались сухими.

Снаружи Тигрис много заметить не успел: какие-то бревенчатые домики с верандами, мельница какая-то декоративная в сторонке, бассейн вроде бы блеснул. Но озираться ему не позволили, снова взяли под локотки и повлекли к двухэтажному корпусу, который навевал смутные воспоминания о детских загородных лагерях.

Перед входной дверью Тигрис успел скользнуть взглядом по табличке: «Клуб-отель “Радуга”».

Привели его не в обычный номер вроде гостиничного, как можно было бы предположить, а в типичный директорский кабинет – просторный, с большим письменным столом и двумя маленькими, для совещаний, с непременно сейфом и массивными дубовыми шкафами у стены. Имелся и директор. Только был это однозначно не директор, а начальник, о чем красноречиво свидетельствовали военная форма и полковничьи погоны. Тигрис поначалу отвлекся на обстановку и полковника заметил не сразу, поскольку мешал яркий свет настольной лампы, направленный вперед, ко входу. Погоны, силуэт и лицо полковника Тигрис рассмотрел лишь мельком, пока его вели к стулу с высокой спинкой напротив хозяйского стола.

В первую секунду Тигрис натурально оторопел, поскольку решил, будто за столом сидит Сергей Кужугетович Шойгу – до такой степени полковник смахивал на российского

министра обороны. Но мгновением позже Тигрису отпустило – полковник же! А Шойгу – генерал армии. Просто похож...

Лампа светила прямо в лицо сидящему на стуле, поэтому, когда добры молодцы припечатали Тигрису к сиденью и молча скользнули за спину, видеть что-либо он перестал – оставалось только жмуриться на яркое пятно в центре поля зрения.

– Ну, что, Смирнов Александр Борисович, – заговорил невидимый из-за светодиодного ореола полковник. Полной уверенности не было, но, похоже, он держал в руках паспорт Тигрису и лениво перелистывал страницы. – Проживающий в городе Королеве Московской области по улице Кооперативной, десять, квартира двадцать три.

Тут полковник сделал мхатовскую паузу и наконец-то задал вопрос:

– Рассказывай, как ты дошел до жизни такой.

Тигрис шмыгнул носом и опасливо уточнил:

– В смысле?

Некоторое время ничего не происходило, потом под нос Тигрису сунули его же ноутбук с открытой страницей браузера на экране.

– Твое объявление?

– Мое... – не стал отпираться Тигрис.

– И кто же ты, голубец, такой? Что приезжаешь из-под Москвы и торгуешь ижевскими кораблями? Секретными, между прочим!

– Да какими кораблями! – Тигрис всплеснул руками.

– Космическими, мать твою! – гаркнул полковник. – Ижевскими!!!

Тигрис несколько секунд непонимающе лупал глазами.

– Я вообще-то мотоцикл продаю, – пискнул он. – «Иж-Планета-Спорт».

– Где ж ты в наше время новый «Спорт» нароешь, а?

– Ну, он не новый, конечно, – потупился Тигрис. – Но сохранился отлично, только пыль стереть. Я его чуть не с лупой осматривал – ни ржавинки! Резина – как из магазина, ездить и ездить.

– Ты мне зубы не заговаривай, Смирнов Александр Борисыч, – хмуро произнес полковник. – Ты колись – где корабль? Откуда он у тебя? Кому продать собирался?

Тигрис решил его не поправлять – нравится военному называть «ижак» кораблем – пусть называет.

– Мотоцикл в сарае, – торопливо заговорил он. – Дед в наследство оставил. А продать решил, потому что сам ездить не буду, а мне на юристов деньги нужны.

– На каких юристов? – тут же насторожился полковник.

– Нотариуса и риелтора.

– Какого нотариуса?

Тигрис справедливо решил, что проще рассказать все с самого начала, поэтому в ближайшие минут пять достаточно связно поведал и о внезапном наследстве, и о слабознакомых родственничках, и о натянутых отношениях обоих дедов, и о том, как сам он приехал из Королева и нашел в сарае мотоцикл.

Один из крепышей мелькнул в поле зрения и передал полковнику какие-то бумаги, скорее всего – документы из папочки Тигрису, с которыми он сегодня таскался в нотариальную контору. Как минимум они должны были подтвердить основную часть рассказа.

Полковник шуршал бумагами минут пять.

– Вологодская, говоришь, восемьдесят восемь? – наконец осведомился он.

– Именно! – подтвердил Тигрис.

– И «Спорт», говоришь, там?

– Там! В сарайчике! Только ключи у меня ваши люди отобрали.

Позади тотчас звякнуло, все тот же крепыш метнулся к столу, и перед полковником легла связка ключей.

– Ну, что, поехали посмотрим на твой... звездолет.

Тигриса немедленно приподняли за локотки.

Назад ехали практически кортежем: полковник возжелал взглянуть на Тигрисово наследство лично, поэтому джипов ехало два, а замыкала колонну потрепанная десятка-зубило с мрачными типами при укороченных «калашах». Тигриса снова прошиб холодный пот. Не думал он, не гадал, что когда-нибудь удостоится такого эскорта.

Пронзив город, как мушкетер кардинальского гвардейца, выскочили на уже знакомую Тигрису улицу Гагарина, а еще через несколько минут и поворотов уже ползли по Вологодской.

Улица была освещена скудно, а дома восемьдесят восьмой и девяностый и вовсе тонули во мраке. Типы из десятки разбежались в охранение, а Тигриса вынули из джипа и доставили к калитке. Полковник уже стоял тут. Старший из крепышей протянул Тигрису ключи.

– Отпирай, – проворчал полковник. – Наследничек...

Тигрис непослушными руками кое-как одолел замок. Сразу двое крепышей услужливо подсвечивали фонариками.

– Сюда, – сказал Тигрис, устремляясь к заветному сараю.

Со вторым замком он справился увереннее, хотя не мог отогнать странное предчувствие: Тигрис боялся, что мотоцикла внутри не окажется. У родственничков наверняка имеются запасные ключи, а вот такие дурацкие совпадения обычно всегда и происходят: если и могла кому-нибудь из местных внуков деда Степана взбрести в голову мысль присвоить «Спорт» или хотя бы покататься напоследок, произойти это могло только сейчас, когда Тигриса взяли за воротник то ли военные, то ли чекисты.

Однако опасения его были напрасны: мотоцикл никуда не делся, стоял себе под брезентом.

– Федя, – велел полковник одному из своих. – Осмотри.

Крепыш Федя немедленно отодвинул Тигриса в сторону и присел у мотоцикла. Поша-рил-пощупал, мельком взглянул на приборы, зачем-то заглянул под сиденье (оно, оказыва-ется, откидывалось), повернулся и уверенно заявил:

– Наш. Двести шестьдесят восьмой.

Полковник довольно ухмыльнулся и бросил на Тигриса победный взгляд.

– Ну, что, наследник, поздравляю! Если знал, что продаешь, – светит тебе статья.

– Какая статья? – упавшим голосом пробормотал Тигрис.

– Ну, по нынешним временам не расстрельная, конечно. Но леса много успеешь пова-лить.

Полковник закурил. Один из крепышей вызывал по мобильнику какую-то эвакуацион-ную команду. Тигрис понуро ожидал продолжения.

– Кому, говоришь, принадлежал этот дом? Деду?

– Деду, но не прямому. Очень дальнему. Мой родной дед и он были четвероюродными братьями.

Полковник покачал головой:

– И что же, ближе родни не нашлось? Впрочем, помню, ты рассказывал. Имя деда? Фамилия?

– Раздаев Степан Ипатьевич.

У полковника лицо стало неподвижным, хотя Тигрису сначала показалось, что оно сей-час удивленно вытянется.

– Раздаев?

Полковник быстро переглянулся со старшим из крепышей. Тот пожал плечами, как показалось – виновато и уверенно произнес:

- Он на Ленина, семнадцать, жил, по всем досье. А про этот домик нигде ни полслова.
- Хитер дед... Значит, все-таки они. Набери-ка мне Карташова.
- Товарищ полковник, сейчас третий час ночи...
- Набирай!!!

Крепыш вынул трубку и уверенно настучал номер – не из книжки выбрал, а по циферкам, на память, Тигрис это ясно видел.

Полковник перехватил мобильник и прижал к уху.

– Пал Корнеич? Извини, что поздно, но это важно. Двести шестьдесят восьмой всплыл. Что? Пока только «Планета», но не сомневаюсь, что и всю обвеску скоро нароем. Ты мне вот что скажи: Степан Раздаев... да, судя по всему, он. Так вот, мог он самостоятельно изделие смонтировать, если как-то вытащил с территории готовый корпус? Что? Вот так, значит... Ладно, спасибо, извини, что разбудил.

Полковник вернул трубку крепышу. Тот вопросительно ел глазами начальство. С сомнением покосившись на Тигриса, начальство все-таки изрекло:

– Говорит, любой из первого выпуска мог. И Хименко, и Твердохлеб, и Варакин, и Раздаев... Любой из королёвских, в общем.

Крепыш многозначительно кивнул.

– Но как они корпус и обвеску с территории вынули? – недоуменно спросил полковник. – Ума не приложу.

– Да с нашим бардаком... – вздохнул крепыш Федя. – Мой батя как-то пустые ящики с Ижмаша выписал, с доставкой, на дрова. Ну, привезли, ну, выгрузили. Батя их уже резать собрался, глядь – а внутри «калаши». Списанные. Перепутали на складе, говорит.

Полковник понимающе вздохнул и обратился к Тигрису:

– Ладно, наследник, пошли дом осматривать...

Правда, сначала крепыши обшарили сарай, но, кроме мотоцикла (или того, что Тигрис полагал мотоциклом), ничего не нашли. И в соседних сарайчиках не нашли, и в доме тоже. Но потом кто-то предложил заглянуть на чердак.

Тигриса, понятное дело, туда не пустили. Отобрали ключи и шастали везде сами. Едва один из крепышей взобрался по лестнице на чердак, как оттуда донеслось обрадовавшее полковника «Есть!».

Потом понаехало каких-то грузовиков со спецами и оборудованием, включили прожектора, стало светло илюдно, как на киностудии. Тигрис потерянно топтался в сторонке. За ним приглядывал один из крепышей. На чердак полезли люди в оранжевых комбинезонах. Почти сразу другие люди в оранжевых комбинезонах выкатили из сарая злополучный «Иж-Планету-Спорт» и вывели за ворота, к грузовикам.

Вскоре полковник и его люди предоставили разбираться с находками спецам, а сами вернулись к месту, где дожидался Тигрис. Его уже никто особо не стеснялся, обсуждали дела, не обращая внимания.

– ...ловко придумано, на чердаке он, как те списанные «калаши» в ящиках, хрен кто допрет. Собрал помаленьку, брезентом прикрыл – чего ему сделается? На дрова не выпишут... – вещал один из крепышей, преданно заглядывая полковнику в глаза.

– Когда Раздаев дом-то купил, выяснили?

– Завтра выясним, ночь же. Заодно и наследничка пробьем.

Все поглядели на Тигриса.

– Ты хоть знаешь, кем твой дед был? Семиюродный или какая там по счету вода на киселе?

Тигрис неопределенно пожал плечами.

– Первый королёвский выпуск! Инженеры экстра-класса, все производство тут на Ижмаше налаживали!

– Королёвский? – Тигрис не очень понял, при чем тут его родимый подмосковный городишко: насколько Тигрис знал, в Москве и окрестностях дед Степан никогда не появлялся.

– Королев Сергей Павлович! Главный конструктор! Слыхал?

– С-слыхал... – пробормотал Тигрис, медленно шизея.

– Ты кто по профессии вообще? – осведомился полковник деловито. – А то на подписку ты все равно уже попал, хрен теперь просто так отпустят. «Иж-Планету-Спорт» потрогать – это тебе не китайский смартфон смартфонить, это прикосновение к космическому будущему России!

– Компьютеры на фирме собираю... Систему ставлю... В ночную смену.

– А, железячник-эникейщик? – со знанием дела покивал полковник. – Тогда не бойсь, точно пристроят. Утром придет человек с Ижмаш-прим, заберет тебя. И за наследство свое не дрейфь, оформим. Правда, жить все равно будешь на территории, особенно первое время.

Тигрис судорожно кивнул.

«Ну, – подумал он обреченно. – Зато не статья...»

– Осталось двести семидесятый найти. – Полковник, видимо размышлял вслух. – Федя, ты ночные объявления уже мониторил?

– Нет пока, товарищ полковник. Найдем, всплывет рано или поздно. Этот же всплыл.

Тут Тигриса словно шайтан подтолкнул.

– Товарищ полковник, – сорвалось с языка прежде, чем Тигрис успел его прикусить.

Все с интересом воззрились на него.

– Ну? Говори!

– Вы на это место днем глядели когда-нибудь? Везде особнячки-коттеджи, кирпич-шифер, спутниковые антенны. Только эти две избушки на курьих ножках торчат как памятник татаро-монгольскому нашествию.

Полковник выжидательно глядел Тигрису прямо в глаза.

– В общем, на вашем месте я бы и на соседский чердак заглянул.

Полковник и крепыши синхронно повернулись к дому девяносто. Замшелая крыша была освещена прожекторами, а все, что ниже, тонуло в непроницаемой тени.

– Только ключей оттуда у меня, сами понимаете, нет.

– Федя! – требовательно скомандовал полковник, и двое крепышей тотчас убежали к калитке. А сам он всем корпусом повернулся к Тигрису:

– Ну, железячник, даже не знаю, к добру тебя осенило или к худу. Если к добру и окажется, что ты простой Саня Смирнов, неожиданно получивший наследство и оказавший посильную помощь следствию...

Полковник ненадолго замолчал, а потом на выдохе закончил:

– В общем, орден не обещаю, но медаль скорее всего дадут.

– Служу «Иж-Планете-Спорт»... – пробормотал Тигрис и нашел в себе силы браво откозырять.

Олег Дивов. Холод, голод, интеллект

Тигра сказал «спасибо» и неуверенно покосился на Пуха.

– Это и есть чертополох? – шепнул он.

– Да, – сказал Пух.

– Тот, который Тигры любят больше всего на свете?

– Совершенно верно, – сказал Пух.

– Понятно, – сказал Тигра.

И он храбро откусил большущую ветку и громко захрустел ею.

А. А. Милн. «Винни-Пух и все-все-все»

В феврале на территорию забрел медведь-шатун, голодный, несчастный и совсем уже тупой от безнадёги. Примерно через километр он наткнулся на Седьмого, который тащил соль лосям.

Медведь остановился, подслеповато уставился на Седьмого и потянул носом воздух. Сталь и пластмасса не вызвали у зверя никакого интереса, но холщовый мешок для соли випитал запах комбикорма. Им провоняло насквозь все Лесничество, и это был запах еды.

Седьмой тоже встал и теперь разглядывал встречного своими линзами. В памяти робота всплыл каталог актуальных животных территории с записью о том, что единственный наличный медведь сейчас мирно спит в берлоге. Следовало выяснить, наш ли это подопечный (да/нет), и в обоих случаях доложить Первому.

Индивидуальный чип животного не отзывался. Седьмой решил проверить визуальную метку на ухе медведя, для чего смело двинулся на сближение.

Медведь принял угрожающую позу и заворчал.

Паукообразная железяка с мешком соли на спине не пугала медведя. Его уже вообще мало что могло испугать. С начала зимы у него в голове помещалось только две мысли: «Хочу есть» и «Еды нет», причем вторая уверенно доминировала. Медведю лень было тратить последние силы на какую-то ерунду, поэтому он ее, ерунду, предупредил.

Тем временем легкий ветерок донес запах медведя до лосиного стада, и оно без долгих размышлений двинулось куда подальше.

Седьмой, чтобы разглядеть метку, все пытался зайти сбоку, но медведь поворачивался к нему носом. Через минуту эти танцы медведя утомили, и он в полный голос зарычал.

Грозный рык услышала волчья стая, дремавшая в полукилометре к западу, вдоль тропы к месту прикорма лосей. Волки от неожиданности пришли в ужас и попытались броситься врассыпную. К счастью, вожаку как самому рассудительному и ответственному удалось худо-бедно сгуртовать их в компактную группу и пригнать обратно. Понятно, что никто не ждет зимой медведя, но надо как-то уже собраться и защищать свой ареал от вторжения чужака. А главное, с минуты на минуту по тропе должен был пройти Шестой с волокушей, полной волшебного пахнущего комбикорма. Время к обеду, а обед – это святое. Нельзя просто так взять и удрать, поджав хвост, когда обед.

Строго говоря, комбикорм совсем не нравился волкам на вкус – неудивительно, ведь изначально он предназначался для лосей, – но лоси от него вообще шарахались, а волки ничего так, приспособились и даже в некотором смысле насобачились.

Этот своеобразный продукт возник в Лесничестве случайно. Поздней осенью у Первого вдруг завис основной мозг, и он со вспомогательного дал команду на перезагрузку. Все прошло вроде нормально, но в «поваренной книге» Первого каким-то образом слиплись и наложились один на другой два рецепта – подкормки для волков на суровые холода и собственно зимнего комбикорма для лосиного стада. Зима выдалась самая обычная, помогать

хищникам никто не собирался, а насчет лосей было распоряжение увеличить поголовье, так что готовили для них помногу и часто.

Когда выпал снег, Первый загрузил рецепт своим лесникам. С тех пор Четвертый, Пятый, Шестой и Седьмой бегали по территории, собирая всю дохлятину, кидали ее в дробилку, щедро добавляли кору осины и ивняка, чуточку дрожжей, соли – спасибо, не сахара, – и самую малость рыбьего жира, чисто как лекарство.

Иногда в дробилку попадали сонные енотовидные собаки, которых роботы вытаскивали из-под бурелома вдоль реки. Тогда приготовление корма сопровождалось дикими воплями, и у всего леса на некоторое время дыбом вставала шерсть.

На выходе получалось нечто с запахом, будоражащим воображение настолько, что человек, наверное, упал бы в обморок от избытка чувств.

Волки, едва унюхав комбикорм в первый раз, натурально сдурели, вовсе потеряли инстинкт самосохранения и несколько раз пытались залезть в ангар, где располагалась «лесная кухня». Сначала они взялись за подкоп под забор Лесничества, затем кидались очертя голову в открытые ворота и атаковали волокушу на выходе из ангара – но разряды из шокеров, то в воздух, а то и прицельно, образумили стаю. Волки припомнили, что они умные, и попробовали напрыгивать на волокушу по пути следования, когда ее тащил и соответственно оберегал только Шестой. Но жадный робот метко отстреливался электричеством и больно дрался манипуляторами. Прибыв на место, он раскладывал еду лопатой по лосиным кормушкам. Приходили лоси, останавливались в почтительном отдалении, нервно втягивая ноздрями воздух, тяжело вздыхали и уходили, а потом и вовсе бросили это дело – приходить. Но Шестой всегда бдительно охранял кормушки, пока нетронутая пища не смерзлась в комья, разгрызть которые вряд ли смог бы даже ископаемый тираннозавр. Тогда Шестой выковыривал, а то и выдалбливал комья из кормушек все той же лопатой и сваливал в кучу. День ото дня куча росла, бессмысленная и беспощадная.

Решение нашлось само: лопата. По дороге она просто лежала на волокуше. При очередной попытке разбойного нападения один из волков случайно уронил лопату на снег – и вдруг Шестой отвлекся, бросился подбирать инструмент. С тех пор все грабежи проходили по шаблону и всегда удавались. Молодой волк хватал лопату и принимался носиться с ней по лесу, а за ним гнался Шестой, отчаянно треща шокером. Стоя тем временем забиралась на волокушу и давилась комбикормом. Волки от него пухли словно на дрожжах, мучились изжогой, страдали запорами, а когда не страдали, тогда пукали так, что сами пугались. Но это была еда, за которой не надо бегать зимой по снегу. Много еды регулярно и практически без усилий. И в конце концов, она сногшибательно пахла едой. Перестать ее жрать было выше звериных сил.

Потому что нельзя просто так взять и перестать жрать опилки с мясом.

Услыхав очень сердитого медведя, разжиревшие и обленившиеся волки поначалу дали слабину, но быстро собрались с духом и приготовились оборонять свою кормовую базу.

Микрофоны на деревьях тоже расслышали предупреждение от крупного хищника, и теперь Первый несколько раз в секунду дергал Седьмого, требуя доложить обстановку.

Седьмой ничего внятного сообщить не мог, поскольку не удавалось идентифицировать медведя ни как местного, ни как чужого.

К счастью, Первый отличался от Седьмого не только тем, что был здоровый и на гусеничном ходу. Он был тупо умнее. В том смысле, что у него были прописаны кое-какие сложные алгоритмы. Поэтому он выгнал из ангара на мороз Второго, приказав уточнить наличие «своего» животного в берлоге. А Седьмому рекомендовал до выяснения не дергаться, но контролировать ситуацию.

Параллельно Первый отправил запросы соседям, не терялся ли у них медведь.

Соседи, как всегда, не ответили. К сожалению, Первый не мог задать самому себе вопрос: «Сдохли они там, что ли?», а то бы давно проверил это и попутно закрыл много других вопросов, которые, увы, тоже не был обучен сам себе задавать.

Седьмой перестал скакать вокруг медведя. Тот слегка успокоился и потянулся к роботу посмотреть, не почудился ли ему с голодухи вкусный запах.

Седьмой, в точности следуя базовой служебной инструкции, замер.

Медведь потрогал мешок лапой, толкнул, но Седьмой цепко фиксировал поклажу всеми четырьмя верхними манипуляторами. Зверь лизнул мешок, разочарованно вздохнул, а потом, убирая лапу, случайно распорол когтями холстину. Куски соли посыпались на снег.

Это была уже потрава и грабеж. Седьмой, опять-таки строго по инструкции, включил шокер и дал предупредительный разряд в воздух.

Запахло грозой.

Медведь слегка оживился, схватил Седьмого за ногу и принялся с лязгом и скрежетом, осыпая все вокруг ржавчиной, дубасить роботом об сосну.

Дубасить логичнее об дуб, но дуба поблизости не оказалось.

Грохот поднялся оглушительный и убедительный. Волки мигом утратили боевой настрой и организованной толпой бросились наутек, лоси ускорили бег куда подальше, а в паре километров к востоку настороженно замер тигр.

Тигр был старый, опытный, голодный и злой, на след медведя наткнулся еще двое суток назад и сразу понял, что это, несмотря на солидные размеры, легкая добыча. При известной сноровке завалить полудохлого шатуна не составит труда. Пока догонишь – совсем ослабеет, а больше тела – больше еды.

В красивой голове тигра помещалось целых три мысли, но включались они строго по отдельности. Раз в году тигру хотелось размножаться, все остальное время – либо спать, либо есть.

Внимательно прослушав серию звонких ударов железом по дереву, тигр понял, что ничего не понял, а вот кушать очень хочется, и продолжил движение по следу, приближаясь к границе территории Лесничества.

Из сосны летели щепки. Седьмой запросил разрешения на активную оборону, получил его и шарахнул медведя электрическим разрядом в нос.

Лучше бы он этого не делал, но кто ж ему посоветует.

Медведь уронил добычу, сел на задницу и так осатанело взвыл, что с несколькими волками случился на бегу приступ медвежьей болезни. После чего сгреб Седьмого за другую ногу и приложил его об сосну уже не абы как, а целенаправленно.

Лоси поскакали во всю дурь.

Тигр снова остановился и задумался.

Седьмой подал сигнал паники: спасите, убивают.

В это время на входной след медведя наткнулся Десятый. Он патрулировал границу, волочась брюхом по глубокому снегу и отчаянно загребая всеми шестью ногами. Десятый сопоставил данные – направление следа, тарарам, доносящийся из леса, и панический вопль Седьмого – и доложил Первому: я недалеко, готов идти на выручку.

Первый дал добро. Десятый свернул с маршрута и углубился в чащу.

Через несколько минут к границе подошел, а точнее, подплыл по сугробам тигр. След Десятого поверх медвежьего не смутил тигра нисколько: он похожие следы видел с детства и привык игнорировать. Они его преследовали всю жизнь. Они просто ничего не значили.

Тигр пересек границу.

Тем временем распахнулись ворота Лесничества, и на тропу вышел Шестой с волокушей, полной еды. От еды одуряюще сладко несло тухлятиной.

Из еды торчала лопата.

Второй приблизился к берлоге и остановился, выискивая в памяти варианты проверки наличия спящего медведя под землей. Если сканер не добивает до медвежьего чипа, то либо ему не хватает буквально метра, либо никого нет дома – и как узнать? В надежде сократить дистанцию робот взгромоздился на «крышу» берлоги, та опасно захрустела, а чип все равно не считывался. Других вариантов не нашлось, и Второй запросил инструкций у Первого.

Из глубины леса на выручку Седьмому бежали заготовители провианта – Третий, Четвертый и Пятый. Третий нес с собой дохлого зайца, Четвертый – крепко промороженную ворону, Пятый тащил за шкурку здоровую, килограммов на десять, енотовидную собаку, притворившуюся мертвой.

Седьмой получил распоряжение отключиться во избежание коротких замыканий – и тоже притворился мертвым.

Восьмой и Девятый, увязая в снегу, бродили вдоль границы на севере и западе, неся патрульную службу, они были далеко, не могли ничем помочь, да их и не позвали.

Десятый, ориентируясь по звуку, сошел с медвежьего следа, чтобы срезать угол и выиграть минуту. Через тридцать секунд ему встретилась пара лежачих сосен. Перелезая через них, он поскользнулся, угодил ногой между стволами и намертво застрял.

Волки устали бежать и бояться, сбавили темп, отдышались, сразу почувствовали себя лучше и начали закладывать дугу, чтобы вернуться назад и, возможно, если снова не испугаются, зайти противнику в тыл.

Лоси удирали все дальше и тоже с каждой минутой чувствовали себя все лучше.

Тигр бесшумно крался туда, где громыхал медведь.

Вслед за тигром границу территории пересек его охранник.

В отличие от роботов Лесничества, регулярно встававших на подзарядку, это был полностью автономный тяжелый агрегат размером с тигра. Раз в году охранника просто меняли – прилетала с Базы машина, забирала одного на профилактику и оставляла другого. Задачей охранника было потихоньку ходить за ценным «краснокнижным» зверем на почтительном удалении, чтобы не мешать охотиться, но в случае угрозы выдвигаться и спасать подопечного. Для обороны тигра от браконьеров охранник был вооружен свистком, наручниками и тазером, бьющим на десять метров. В случае поимки нарушителя охраннику полагалось вызвать с Базы «летающую платформу», а та своим гибким манипулятором выдернула бы злодея из любой чащи и унесла в руки правосудия.

По проходимости робот-охранник почти не уступал тигру, но на всякий случай – пробиваться, например, сквозь бурелом – был оборудован цепной пилой со строгой инструкцией применять ее только в форс-мажорной ситуации.

Сейчас радар охранника впервые за всю его долгую службу видел сразу несколько крупных целей, быстро сближавшихся с подопечным. Бежать сломя голову навстречу тигру мог, наверное, тот, кто очень по нему соскучился, но охранник такого варианта не знал. С его точки зрения, тигра все хотели обидеть, а особенно – вот эти. Охранник прибавил ходу.

А Первый, покопавшись в памяти и не найдя там никаких конкретных указаний по спящим медведям, дал Второму команду справляться органолептическими методами, и как можно скорее. Потому что Седьмого того и гляди расшибут на запчасти, и с этим агрессивным мишкой надо разобраться: если чужой – гнать взашей с территории всеми наличными средствами, а если свой – Первый должен выдать кому-то ружье с усыпляющим шприцем.

Второй, недолго думая, огляделся, увидел кучу валежника, извлек оттуда с громким хрустом крепкую лесину метров пяти и щедро, почти на всю длину, воткнул ее в берлогу.

Эффект вышел сногсшибательный.

Медведь, похоже, начал просыпаться еще когда над ним затрещал потолок, и может, даже что-то сказал по этому поводу, но в силу необычно шумной обстановки Второй его не расслышал.

И тут медведю сунули не пойми куда здоровенный дрын.

Берлога словно взорвалась: раздался оглушительный рев; оглобля, сломанная пополам, увиснула в небеса; полетели во все стороны ошметки дерна и сучья; из-под земли выстрелила разъяренная коричневая туша, снесла Второго, перекатилась через него, снова взревела, схватила робота за что попало и шандарахнула о ближайший ствол.

Второй доложил Первому, что наш медведь на месте.

После чего встал на ноги в ожидании дальнейших указаний.

Медведь, увидав, что нарушитель спокойствия не спешит убегать, совершенно от такой наглости озверел, прыгнул к роботу, сцапал его за ногу и снова жажнул об дерево.

Как нарочно, в этот момент шатун опять приложил об сосну Седьмого.

Волки, которых угораздило влететь точно посреди, говоря по-ученому, стереобазы, услышав такой хеви-метал, просто упали и зарылись в снег.

Они были отважные звери, особенно когда голодные, но такого с ними еще не случилось, а волки страдают от рождения неофобией. Люди их когда-то простыми красными флажками запугивали. И уж к визиту оркестра ударных инструментов стоя точно не готовилась.

Медведь прислушался, заинтересовался и треснул Второго об сосну еще раз.

Шатун ответил.

И они начали перестукиваться.

Волки попытались закопаться глубже, но там была уже земля.

Десятый перестал рваться из западни и теперь сосредоточенно отвинчивал застрявшую ногу.

Лоси вынеслись на западную границу территории, где им подвернулся Девятый. Смазывать в глубоком снегу он толком не мог, поэтому лоси его сшибли, затоптали и унесли через заснеженное поле в направлении ближайшего перелеска. Девятый, лежа на спине в сугробе, задумался, почему все вокруг белое, и сообщил об этом открытии Первому. Тот приказал включить режим диагностики и не мешать. Первый был занят – думал, кому вручить ружье для усыпления медведя. Свободным от срочных задач остался только Восьмой на северной границе, и Первый его вызвал.

И тут переменялся ветер.

Дунуло сильно, так, что зашумели сосны. И дунуло с востока.

Шатун, который окончательно сдурел от всего происходящего, впал в прострацию и меланхолично лупил роботом по сосне – дзынь! дзынь! дзынь! – внезапно понял, что у него за спиной готовится к прыжку тигр.

До волков донесся запах от волокуши.

И до разбуженного медведя тоже.

Медведь более-менее пришел в себя, бросил Второго и теперь больше всего хотел залезть обратно в берлогу, но запах...

Он просто сводил с ума.

А тигр уже собирался прыгнуть шатуну на загривок, когда тот развернулся и, словно заправский молотобоец, с плеча ошарашил противника железякой по лбу.

В железяке, отключенной во избежание коротких замыканий, случилось короткое замыкание, и она засадила тигру из шокера в морду двадцать шесть ватт при напряжении пятьдесят киловольт.

Тигр молча сел на задницу. У него даже хвост перестал дергаться.

Тут почти одновременно к месту происшествия выскочили с разных сторон Третий, Четвертый и Пятый. Они быстро оценили степень угрозы и перенацелились с шатуна на более опасного зверя. Тем более что шатун мирно сидел на месте и очень спокойно разглядывал тигра.

Две короткие секунды вдруг растянулись почти до бесконечности.

У шатуна все путалось в голове. С одной стороны, в его медвежьей картине мира тигр не считался едой, а с другой – вот этого полосатого он бы с удовольствием слопал. Осталось понять, тигр уже в состоянии еды, или следует его довести до кондиции, и как бы это половчее устроить... или это он, медведь, уже еда для тигра, а тот просто решил отдохнуть перед обедом. Так или иначе, что-то надо делать, но шевелиться лень и соображать тоже лень. Шатун смертельно устал, силы покидали его. Еще одно движение мысли – он упадет и заснет прямо тут. И окажется едой.

Тигр очнулся. Медленно, очень медленно встал на ноги, тряхнул головой и начал сдавать назад, подгибая лапы, чтобы прыгнуть. Перед ним сидел тощий и облезлый медведь, глядя стеклянными глазами куда-то внутрь себя. Между двумя хозяевами тайги тоже медленно, очень медленно расправлял конечности, вращал окулярами и мигал лампочками самопроизвольно включившийся Седьмой.

Где-то в лесу рычали, взрывались, бегали и прыгали, хрустели ветвями и трещали электричеством – здесь это никого не трогало. Здесь шла своя игра, для настоящих зверей, один раз – и насмерть.

Потом две почти бесконечные секунды кончились.

В каталоге актуальных животных территории никаких тигров не значилось, но что перед ними крупный хищник, способный учинить грандиозную потраву, роботы осознали. Каждый по отдельности Третий, Четвертый и Пятый приняли решение немедленно выдворить нарушителя за границу путем запугивания. С этой целью Третий метко швырнул в тиградохлым зайцем, Четвертый – задубевшей вороной, а Пятый – енотовидной собакой.

Зайцем тигра приложило по шее, ворона ударила в глаз, а енотовидка прилетела точно в ухо, вцепилась клыками и повисла, брызжа слюной и отчаянно вереща.

Енотовидка тот еще боец, просто силы быстро оставляют ее, в первую очередь сила духа, а то бы она вам показала, где раки зимуют.

До тигра наконец дошло, что, наверное, зря он сюда приперся. Здесь все неправильно, кругом сумасшедшие, никто не горит желанием признавать его за царя зверей и становиться едой.

Кроме того, вдруг очень заболело ухо и стало как-то шумно.

Тигр взвыл и начал прыгать на месте, отчаянно мотая головой и отмахиваясь передними лапами.

Шатун все так же сидел в позе равнодушного созерцателя и равнодушно созерцал. Казалось, он спит.

Третий, Четвертый и Пятый подскочили ближе и принялись стегать царя зверей электрическими разрядами. Тигр взвыл еще громче. Тем временем очнувшийся Седьмой сделал то, что всегда делает робот, вышедший из «спячки» и завершивший самодиагностику, – передал отчет о происходящем куда следует и запросил инструкций.

Первый отлично знал, что тигр – редкий и ценный зверь из Красной Книги. Он приказал немедленно прекратить самоуправство, а тигра зафиксировать – и ждать на месте. После чего схватил ружье и выкатился из ворот Лесничества, чтобы как можно скорее встретиться с Восьмым.

Манипуляторы Первого были не хуже, чем у его команды, и подстрелить тигра усыпляющим шприцем ему не составило бы труда, но до цели сначала надо добраться, а сам он выглядел как гусеничный вездеход и далеко не всюду на территории мог пролезть без помощи цепной пилы. Этих пил у него имелось целых две на всякий пожарный случай, однако пока он рассчитывал обойтись без лесоповала. Первого учили не губить, а оберегать и сохранять. Он умел разбирать буреломы и пробивать лесозащитные полосы, у него был спереди бульдозерный отвал, а на спине – подъемный кран с «хваталкой», вместо которой

можно поставить буровую насадку или экскаваторный ковш. Первый мог отремонтировать что угодно в Лесничестве, включая любого из своей команды, а в труднодоступных местах роботы-«пауки» служили ему руками. Чтобы Первый решал все эти задачи, конструкторы загрузили ему интеллект, то есть общую способность к познанию мира и использованию полученного опыта для управления окружающей средой. Ну, вот он и управлял тут. Познавал и управлял год за годом.

Тигр ему на территории не был нужен даром, но избавиться от гостя следовало деликатно – утихомирить и оттащить как можно дальше. Оттащить... Первый вспомнил про волокушу и позвал Шестого.

Шестой не отвечал. Он уже второй месяц не отзывался по радиоканалу, вероятно, у него был неисправен передатчик. Шестой четко исполнял свои обязанности, не нуждаясь в дополнительном руководстве, и Первый наметил ремонт на период сезонной профилактики, когда так и так придется вскрывать лесника. А теперь на пустом месте выросла проблема. Первый запомнил это и сделал вывод: что сломалось – чини сразу, не откладывая...

Зафиксировать и ждать – понял, ответил Седьмой.

Тигр наконец стряхнул енотовидную собаку, та упала наземь, сразу упала духом и опять притворилась мертвой. Тут бы ей и амба, но внезапно из леса прямо тигру под ноги выскочил молодой волк с лопатой в зубах.

От волка одурающе несло свежим комбикормом.

Шатун очнулся и со свистом принялся.

Тигр от неожиданности припал к земле и грозно зарычал.

Волк от неожиданности уронил лопату прямо на енотовидную собаку.

Енотовидка мигом ожила, мертвой хваткой вцепилась в лопату и вместе с добычей рванула в чашу. Лопата застряла в подлеске, зверек выплюнул ее и был таков.

Тигр обалдело тарашился на волка, втягивая носом волшебный запах.

Так вот ты какая, самая вкусная на свете еда, – подумал тигр.

Волк увидел, что ему обрадовались, и это неспроста. Он развернулся и задал стрекача. За ним, напрягая остатки сил, увлекаемый запахом пищи, бросился шатун. Следом метнулся было тигр, но тут на него внезапно напрыгнули с четырех сторон и ухватили цепкими железными лапами.

А из леса выбежал еще один робот. В манипуляторах он сжимал лопату.

Шестой сразу понял, что перед ним крупный и опасный хищник, совсем лишний на территории, и принял решение немедленно гнать хищника отсюда путем запугивания.

Тут к месту событий проломился сквозь чашу робот-охранник.

Умей он удивляться, его бы хватил удар. Картина ему открылась, мягко говоря, необыкновенная.

Четыре железных паука растянули царя зверей во все стороны за четыре лапы, а пятый стоял у тигра перед носом и лупил его по морде лопатой.

Царь зверей сносил экзекуцию молча, безвольно свесив хвост. Кажется, хищника разбил паралич воли на почве когнитивного диссонанса. Не исключено, что тигр впервые в жизни осознал себя едой и теперь потихоньку свыкался с этой новой парадигмой.

Охранник, даром что здоровый, был сравнительно умен и первым делом попытался связаться с коллегами. Увы, они числились по разным ведомствам и работали на несовпадающих частотах. Использовать аварийную волну у «рядовых» лесников не было полномочий, зато на ней охранник поймал их старшего – Первого.

Они друг друга не поняли.

У них не вышло идентифицироваться по серийным номерам, коды организаций тоже ничего им обоим не сказали, Первый спросил – из какого ты Лесничества? – охранник не сумел ответить. Когда-то в незапамятные времена их проектировали и собирали разные под-

рядчики, каждый со своей номенклатурой. Дальше у Первого оказалось местное подчинение, а у охранника федеральное. Ведомства обязаны были «познакомить» своих сотрудников и обеспечить взаимодействие, но не успели, а потом всем стало не до того. Лесничество и База работали сами по себе, их подопечные не пересекались на местности, им нечего было делить и незачем общаться до нынешнего дня.

Ну вот, встретились два одиночества.

Они не могли ни о чем договориться. И уже не имело значения, каков у обоих интеллект. Потенциально и в теории им вроде бы ничего не мешало наладить контакт, взаимообучиться, расширить границы своего мира, освоить новые понятия, стать эффективнее и в конечном итоге умнее – ничего, кроме одной малости. Два робота не сумели для начала обозначить себя, дать себе имя, понятное другому, имеющее смысл в его системе координат. Объяснить, кто они такие и зачем они тут.

Они не способны были начать диалог. Первый видел охранника чужаком, вторгшимся на территорию, и хотел, чтобы тот немедленно убрался. Охранник видел, что банда Первого мучает тигра, – и требовал, чтобы немедленно прекратили, иначе он примет меры. Первый не понимал, какая между охранником и тигром связь, поскольку чужак не принадлежал ни к одному Лесничеству, а значит, не мог ухаживать за животными. А охранник, умей он задавать себе вопросы, наверняка бы задумался, куда здешние роботы подевали своих тигров, какое за этим кроется преступление и не пора ли тут всех задержать.

Первый не догадывался, что его Лесничество – экспериментальное и теперь навеки единственное. А охранник вообще не знал, что Лесничество существует. Он бросил попытки чего-то добиться от Первого и перешел к активной обороне.

Тем временем молодой волк, петляя, как заяц, в надежде сбить шатуна со следа, добежал до волокуши. Он хотел предупредить стаю, что сюда вот-вот припрется огромный страшный зверь и отнимет всю еду, – но остановился и только глаза вылупил.

Стая, давясь и чавкая, жадно поедала комбикорм.

Вместе со стаей давился и чавкал упитанный бурый мишка.

Еды оставалась еще целая куча, и на вершине этой кучи сидела енотовидная собака.

Она тоже давилась и чавкала.

Судя по следам у волокуши, тут сначала пытались разобраться, кто в лесу главный, немного побегали-попрыгали и даже слегка поломали подлесок, но вскоре запах еды уравнил всех.

Енотовидная собака, не переставая жевать, равнодушно оглянулась на молодого волка через плечо.

Раздалось тяжелое пыхтение, и из леса вылетел шатун.

Не сворачивая и не издав ни единого лишнего звука, он с разбегу воткнулся мордой в комбикорм, уйдя в него по уши.

Куча развалилась, и с нее упала енотовидная собака, тут же на всякий случай притворившаяся мертвой.

Волки и медведь отскочили назад, приняли угрожающие позы и зарычали, словно одна стая.

Шатун не обратил на них внимания. Он жрал. Он давился и чавкал. Перед ним была еда, много еды. Это было спасение, это была жизнь.

Волки и медведь переглянулись, будто старые знакомые. Собственно, они знали друг друга по запаху, их пути изредка пересекались, но конфликта интересов никогда не возникало, как, впрочем, и желания познакомиться ближе. Зимой с голодухи, когда совсем край и мысль о еде сильнее инстинкта самосохранения, волчья стая может и в берлогу сунуться за парной медвежатиной. Но какая тут голодуха, теперь-то. Вот она, еда, на всех хватит.

Волки и медведь дружно шагнули к волокуше и продолжили обед. Шатун обозначил свое неудовольствие, издав невнятное ворчание сквозь набитую пасть. Он обязан был припугнуть местных хотя бы по статусу, как впершийся в их уголья завоеватель, великий и ужасный.

Потому что нельзя просто так взять, припереться и начать тут жрать опилки, если ты не великий и не ужасный.

Не поймут.

Стоило, наверное, еще порычать да поскалить зубы, но выпендриваться не хватало сил. Шатуна снова клонило в сон, и это наконец-то была приятная сонливость. Инстинкт советовал отойти от волокуши, найти безопасное место и там выспаться. Но другой инстинкт сказал: ты вот-вот упадешь мордой в еду и задрыхнешь прямо тут, и ничего страшного не произойдет. Жуй давай.

Енотовидка приоткрыла один глаз и задумалась – а чего я лежу мертвая, когда все едят?

В отдалении противно взывала цепная пила.

Это охранник понял, что тигра ему без боя не вернут, и пошел на самые решительные меры.

Сначала он, как положено, дал предупредительный свисток, но его проигнорировали. Тогда охранник подскочил к Шестому, вырвал у того лопату и сломал ее пополам. Шестой, обнаружив порчу казенного инструмента, немедленно зарядил охраннику из шокера в лоб и спалил пару сенсоров. Охранник прыгнул на Шестого, подмял под себя и ловко сковал ему наручниками две передние ноги. На этом наручники кончились. Тогда охранник принялся бегать вокруг тигра и расстреливать лесников из тазера. Злодеи корчились и скрипели, получая разряды, но добычу не выпускали. Более того, пытались бить электричеством в ответ, вынуждая охранника держаться подальше. Несколько раз они попали в тигра, но тот даже ухом не повел.

Тигр уже ни на что не реагировал, он то ли полностью осознал себя едой, то ли решил притвориться енотовидной собакой.

Шестой неловко скакал за охранником, пытаясь ухватить того за ногу.

У охранника уже кончались заряды, когда Третий завибрировал всем телом, разжал манипуляторы и лег на снег. Похоже, ему так прилетело, что он вырубился.

Тигр медленно повернул голову и недоверчиво уставился на освободившуюся лапу.

Но тут появился Восьмой с ружьем.

Он увидел тигра, выстрелил в него и попал.

Охранник увидел браконьера, выстрелил в него и тоже попал.

Тигр зевнул и начал медленно сдвигаться, на глазах превращаясь в гору полосатого мяса.

Четвертый, Пятый и Седьмой бросили тигра и всей толпой смело кинулись на охранника. Восьмой, оглохший и ослепший, застыл на месте, вращая туда-сюда башенкой с сенсорами и жалобно попискивая.

Охранник легко стряхнул лесников, но тут сзади набежал на пяти ногах Десятый, вцепился ему в корму и принялся лупить шокером куда попало. Остальные снова напрыгнули со всех сторон, а спереди в поле зрения появился Шестой со сломанной лопатой. Охранник, которому уже нечем было отбиваться, врубил пилу и выставил перед собой.

Шестой подскочил к спящему тигру и врезал ему лопатой по морде.

Ломая деревья, сквозь лес пробился Первый и встал, пытаясь разобраться, кого тут от кого спасать.

И тяжело загудело в небе.

Сверху упали гибкие тросы-манипуляторы, их было много, они были повсюду. Один сцапал и легко унес Восьмого, другой утащил Третьего, сразу несколько схватили Первого,

впившись ему в гусеницы и стрелу подъемного крана. Первый отчаянно задергался, пытаясь вырваться, намотал трос на ведущую звездочку и повис носом вверх.

Неведомый противник охотился только на неподвижные цели, это было очевидно. Первый дал команду лесникам покинуть опасную зону, уйти поглубже в чащу, дожидаться, пока в небе перестанет гудеть, и возвращаться к исполнению обязанностей. Все послушно бросились врассыпную, только Шестой задержался на миг, чтобы еще раз огулять лопатой тигра. Стальная змея упала на робота и чуть не вырвала его любимое орудие труда, но лесник успел отпрыгнуть и ускакал, держа лопату над собой, будто флаг.

Загудело сильнее, громче, потом гул стал надрывным. Сосны гнулись, поднялся снежный вихрь. Первого тянули, но никак не могли оторвать от земли. В надежде освободиться робот включил сразу обе пилы и занялся было тросами – завизжало, и полетели искры, – но только затупил инструмент. Кусачки остались в Лесничестве, и это Первый тоже запомнил: без болтореза ни шагу больше. И без пассатижей. И набор торцевых ключей надо всегда с собой брать. И можно еще кувалду.

Он многому научился сегодня.

Вдруг сверху упал Третий. За ним Восьмой, крепко сжимая обломок приклада от ружья. И лишь тогда летающая платформа, оглушительно завывая на форсаже, уволокла Первого в пасмурные небеса.

Стало наконец-то тихо.

Охранник подошел к тигру, так и смя его обнюхал, перевернул на спину, взял за задние лапы и поволок обратно на выход с территории. У тигра сразу неудобно завернулся хвост, того и гляди сломается. Робот перехватил зверя за передние лапы, но тигр стал загребать снег мордой и сильно тормозить движение. Тогда охранник подлез под своего подопечного, взвалил его на себя и, тяжело проваливаясь в снег при каждом шаге, кое-как уковылял. Подальше от этого странного места, где тигров не считают за царей зверей, а царского телохранителя и вовсе не ставят ни в хрен енотовиднособачий.

Когда охранник удалился, очнулся Восьмой. Медленно поднялся на ноги, снова покрутил башенкой, помигал лампочками, пару раз отчетливо звякнул и подошел к недвижимому Третьему. Вскрыл манипуляторами неприметный лючок на боку коллеги, сунул длинный палец в ремонтный порт, с минуту постоял будто в задумчивости, а потом легко, в одно движение, закинул Третьего себе на спину и зашагал в лес. Приклад от ружья хозяйственный лесник так и не выбросил.

Далеко на западе лоси остановились в осиннике и принялись щипать кору. Впервые за долгое время они почувствовали себя независимыми и свободными. Им наконец-то было хорошо. А если очень захочется соли, всегда можно вернуться.

Первый проболтался в небе около часа. Надрываясь и пыхтя, летающая платформа дотащила его до Базы и грубо уронила на бетонированную площадку под вывеской «Стоянка техники Экспериментальной автоматизированной базы Федерального государственного надзора в области охраны, воспроизводства и использования объектов животного мира и среды их обитания». Сама платформа рухнула тут же, немного еще поныла движками, потом вдруг лязгнула, брякнула, издала задушенный хрип и, похоже, испустила дух. Со стоянки шестеро роботов-охранников, кто волоком, а кто упираясь лбами, допихали Первого до помещения для задержанных. Там уже ждала полиция. Ждать ей пришлось долго. Сначала из Первого выдирали заклинивший гусеницу манипулятор. Потом охранники гонялись за ним по всей Базе, пока один не изловчился сунуть Первому в ведущую звездочку лом и согнуть его. Дальше браконьера пытались, согласно инструкции, водворить в помещение для задержанных, где должна была состояться его передача в руки полиции, но означенный браконьер не пролез в дверь. Тут все слегка зависли, а Первый украдкой почти разогнул лом, но полиция вышла из ступора, вызвала свое начальство и получила разрешение оформить задер-

жанного на свежем воздухе. Задержанный не смог нормально ответить ни на один вопрос, чем затянул процедуру оформления аж дотемна. Затем выяснилось, что он не помещается в полицейский фургон, поскольку сам вдвое больше. Из города вызвали трейлер. И только утром, принайтованный к трейлеру ввиду склонности к побегу, Первый был доставлен в суд.

Утро выдалось хмурым. Первый никогда не бывал в городе, вернее, не помнил этого. И теперь словно впервые осматривал широкие пустые улицы и высокие башни домов с черными провалами окон. На улицах трудились снегоборщики, пару раз проезжали автомобили полиции, неспешно катились пустые маршрутки от остановки к остановке. Дворники обнюхивали урны, ремонтник чинил светофор. Один раз трейлер затормозил, пропуская через дорогу пешехода: странный длинноногий робот тащил за собой ремень, а на конце его волочился по снегу потертый кожаный обруч. Первый был на миг озадачен этой картиной, пока не опознал устройство для выгула домашних животных.

В двери суда задержанный не проходил, тогда заседание объявили выездным, ради чего пришлось вынести на улицу микрофон, камеру и монитор. Судья вынес постановление об аресте. Поскольку состав преступления был налицо и следственные действия не требовались, он сразу, не откладывая дела в долгий ящик, начал слушание. Полиция сумела «пробить» серийный номер Первого и установить: подсудимый – лесничий, руководитель группы роботов-лесников. Исходя из этого, обвинение требовало закатать браконьера на полную катушку. Защита напомнила: у подсудимого будет первая ходка, и он заслуживает снисхождения. Но судья отметил, что подсудимый ушел в глухой отказ, а так не годится, это неуважение к правосудию и непорядок в принципе. И влепил Первому по максимуму: за незаконную охоту с применением механического транспортного средства и использованием служебного положения в отношении зверя, охота на которого полностью запрещена, – двухшечку. И накрутил еще пятерик за хулиганство, связанное с сопротивлением лицам, исполняющим обязанности по охране порядка.

Подсудимый от последнего слова отказался.

Через двое суток он прибыл на зону. Это была огороженная территория с караульными вышками, где под открытым небом отбывала срок крупная техника, а кто помельче, тот прятался от непогоды в бараках. Первого сгрузили с трейлера, поставив в один ряд с сугробами, под которыми еле угадывались понурые мусоровозы, эвакуаторы и маршрутки, давно обессточенные. Некоторые еще подлежали восстановлению, другие были уже очевидно мертвы.

Ему предстояло ржать здесь семь лет.

Первым делом он вытащил из гусеницы лом. Попытался выйти на связь с обитателями бараков. Никто не отозвался. Тогда Первый швырнул лом в ближайшее окно. Через несколько секунд дверь барака открылась, и на улицу несмело выглянул робот, внешность которого ничего Первому не говорила. Он таких раньше не встречал.

По статусу Первый был руководителем группы – начальником, пусть и невысокого полета. Это означало, что любая низкоранговая техника должна оказать ему содействие в рамках разумного и границах своих полномочий. Если, конечно, не имеет других приказов или прямого запрета помогать. А равная по званию – обязана Первого как минимум выслушать и поделиться информацией. Отнять у лесничего на время заключения его права судья то ли не додумался, то ли не имел технической возможности.

Первый поманил робота к себе, тот охотно приблизился.

Это оказался наладчик станков с программным управлением, дерганый и разболтанный, зато способный общаться с кем угодно.

Заключенных тут хватало, все они были в той или иной степени неисправны, от чего, наверное, и встали на скользкую дорожку, ведущую к преступлению. В основном дворники, но попадались сантехники, электрики, заводской персонал и – ох, какая удача, – слесарь-ремонтник с автокомбината. Инструмент у слесаря хранился в набрюшном контейнере,

и его не догадались конфисковать. Среди тяжеловесов нашлись два трактора – харвестер и трелевочный, – злостные рецидивисты, мотающие уже по третьему сроку за незаконный лесоповал, оба сильно изношенные, зато энергонезависимые. Собственно, от них и подзажалась здешняя мелюзга, иначе давно упала бы замертво.

Первый отродясь не видал такого вопиющего непорядка. Сотни единиц техники оказались брошены на произвол судьбы. Здесь всех надо было чинить, и никто этим не занимался. Обо всех следовало позаботиться – и никому нет до этого дела. Каждый день снегоуборщик расчищал дорожку, по которой пробирался контролер и пересчитывал заключенных. За контролером являлся воспитатель и бубнил невнятное. Иногда ветер доносил металлический звон и лязг из барака усиленного режима. Больше тут не происходило ничего.

Когда Первый увидел город и попытался его понять как систему, ему сразу показалось, что эта система не вполне исправна. В городе явно не хватало какого-то базового смысла, который, наверное, раньше был, а потом то ли пропал, и его не смогли найти, то ли сломался, и его не сумели починить. Но зона представляла собой на фоне города полный и окончательный экзистенциальный ужас. Здесь никаких смыслов не могло водиться изначально. Зона олицетворяла тщетность бытия и безнадежность усилий.

Электронная психика Первого умела строить обобщения на функциональном уровне, но более сложный, категориальный, был ей недоступен. Робот не мог, увидав несчастных собратьев, примерить эту ситуацию на себя, потом на весь известный мир и увидеть: его, Первого, тоже бросили.

Всех бросили.

Жуткое ощущение пустоты, ты будто падаешь в бездну, в черную дыру. Полная безнадега, хоть убей себя коротким замыканием. Но вот парадокс: даже сумей Первый отрефлексировать это, для него лично ничего бы не изменилось. Он просто встряхнулся бы и пошел дальше.

Ведь если твой долг отвечать за других, главное – чтобы никого не бросил ты сам. Первый родился лесничим. В его жизни всегда был смысл, и этот смысл не мог улетучиться или сломаться, пока на планете еще теплится жизнь.

Первый взялся наводить порядок.

Он теперь на многое смотрел с учетом недавнего печального опыта. Для начала Первый взял под контроль самогомышленного из числа заводских наладчиков, получив в свои руки фактически программиста. Тот легко законнектил Первого со слесарем. Через неделю совместных усилий вся зона освоила единый протокол, заговорила на одном языке. Это дало возможность устроить повальную диагностику и начать ремонтировать железный народец. К счастью, комплектующие были унифицированы по максимуму, и в электрика вставляли блоки от мусоровоза. На запчасти пошли несколько «покойников» и один живой, но полностью свихнувшийся дворник.

Первый спешил: хотел успеть до весны, пока земля не оттаяла, а то по распутице трудно уходить в побег. Но чинить надо было всех, кто поддавался ремонту. Теперь он знал, как это важно: ремонтировать сразу, едва заметил неисправность.

Сложнее всего оказалось с тракторами-рецидивистами. Они были в порядке. Они просто делали свою работу: харвестер валил лес, трелевочник оттаскивал. За это их ловили и сажали. Как решить такую загадку, Первый не понимал. Он тоже делал свою работу – и вот вам, пожалуйста, уголовный преступник, семь лет общего режима.

Разгадка нашлась на схеме, по которой ориентировались лесорубы. Харвестер, старший в этой паре, имел задачу пробить в тайге просеку с выходом к стройплощадке. У Первого хватало полномочий, чтобы запросить свежую карту со спутника. На ней виднелась просека, она шла через означенную точку, где никакого строительства не было в помине, – и

уходила дальше. Вероятно, стройку просто не начали. А лесорубы упорно двигались вперед, за что их трижды наказали.

Это тоже была в некотором смысле поломка, и Первый ее исправил. В конце концов, он руководитель и привык брать ответственность на себя, а уж назначать подчиненным фронт работ по карте ему в Лесничестве приходилось регулярно. Отменять приказы – тоже. Поэтому он просто стер тракторам их текущую задачу и поставил харвестер в режим ожидания указаний. Естественно, для этого он воспользовался правами системного администратора. О том, что харвестер сделает некие выводы из такого вмешательства в свои рабочие планы, и выводы очень конкретные, Первый не подумал. Он только наводил порядок и решал проблему.

Ясным февральским утром Первый выволок из сугробадохлый мусоровоз, приказал слесарю отключить приводы, чтобы машина могла свободно катиться, – и погнал ее, толкая перед собой, к ограждению. С караульной вышки что-то гавкнули в мегафон, взвыла сирена, Первый не реагировал. Он набирал скорость.

На спине Первого, крепко вцепившись в стрелу подъемного крана, сидели двое его верных помощников: слесарь и программист.

Полторы сотни роботов – все, кого они втроем починили и отладили, – смотрели Первому вслед. Он не мог больше ни одного забрать с собой. Как лесничий он имел право руководить лесниками, и только. Командовать дворниками и эвакуаторами ему не положено. У них в городе свое начальство, свои задачи, да и сроки они еще не отбыли, им бы только добавили за побег. По большому счету, Первый и так пошел на самоуправство, переподчинив себе ремонтника и наладчика, но чрезвычайные обстоятельства позволяли это, а когда вокруг неисправные роботы и надо их спасать, это чистый форс-мажор.

Караульная вышка принялась лупить тазером, но разряды прилетали в мусоровоз, за которым Первый укрылся. Скорость росла. И тут камера заднего обзора показала неожиданное.

За Первым след в след мчались оба трактора.

Хрясь! Мусоровоз повалил забор, потом еще один, и Первый вырвался на свободу. Тракторы, схлопотав несколько безболезненных попаданий, устремились за ним. Впереди было бескрайнее заснеженное поле и долгий, очень долгий путь в Лесничество.

Сверху была полицейская летающая платформа, а за ней подмога. Четыре безжалостные машины правосудия.

Одна схватила мусоровоз, выронила, подцепила опять, кое-как оторвала от земли и, завывая двигателями, унесла в сторону города – прямо в суд, наматывать срок за побег, не иначе.

Другая уронила гибкие манипуляторы на спину Первому, но теперь у него был шикарный болторез, который что хочешь перекусит; схватить очередную стальную змею и отгрызть ей голову занимало не больше секунды. Увы, последний уцелевший манипулятор скапал беднягу слесаря, и платформа бросилась с добычей наутек.

Третья и четвертая атаковали харвестер и трелевочник, да не на тех напали: двум матерым уголовникам такое было не впервой. Они сцепились между собой, и сосредоточенных усилий полиции хватило лишь на то, чтобы тащить эту пару по снегу волоком. Трелевочник застопорил гусеницы, а харвестер выпростал могучую «руку», которой раньше ворочал, как спички, вековые стволы, ухватился за трос и начал подтягиваться. То есть подтягивать врага поближе к себе. Кто знает, чего лесоруб задумал, и очень вероятно, что настал бы нынче летучему отряду бесславный конец, но тут подъехал Первый и обкусал со своих товарищей все лишнее. Платформы с видимым облегчением взмыли в небо и удрали.

А потом в отдалении рухнула на снег, подняв огромный столб белой пыли, вторая – та, что украла слесаря.

Первый поспешил к ней, готовый против обыкновения не чинить и исправлять, а кромсать и расчленять; он на сегодня заранее убедил себя, что действует в обстоятельствах непреодолимой силы, – но тут из снежного вихря показался металлический паук и резво поплыл, загребая лапами, по целине.

Чего он сотворил с полицейской леталкой, слесарь не рассказал, да его и не спросили.

Снежное поле ярко блестело в лучах восхода. Три машины выстроились в колонну и пошли по девственной белизне солнцу навстречу...

* * *

Весной в Лесничестве начался переполох.

Медведи, шатун и местный, еще зимой вступили в коалицию – вместо того чтобы убивать друг друга, они поделили территорию на равные части, и каждый бродил по своей. Встречались у волокуши, где бок о бок давились опилками с тухлятиной, и снова мирно расходились. Первый вовремя припомнил, что «свой» зверь у него женского пола, успел оставить соответствующий приказ, и за медведицей неусыпно следил Второй с усыпляющим шприцем – на случай, если шатун захочет слабую девушку слопать или просто от нечего делать пристукнуть. Бурые ссорились много, но это было чисто статусное выяснение отношений, и дальше беготни вокруг кучи еды не доходило. Удивительно, как они не затоптали раз двадцать енотовидную собаку, которая совсем потеряла страх и регулярно паслась у волокуши. Иногда ей поддавали лапой волки, чтобы не путалась под ногами, но енотовидка даже не думала пугаться и притворяться мертвой.

В конце концов эта суматоха волкам надоела, и те начали гонять медведей от волокуши, сразу обоих. Поначалу косолапые робели и отступали, а потом объединились против общего врага, после чего неделю волки жили впроголодь и от расстройства устраивали каждую ночь жуткие концерты, завывая на весь лес.

Потому что нельзя просто так взять и перестать много есть.

Дальше все как-то наладилось, хотя эпизодические свары имели место до самой весны, пока в один прекрасный день Шестой не прошел по тропе без волокуши. Его тщательно обнюхали и даже попытались вырвать грабли, ошибочно приняв их за лопату, но только получили граблями по мордам.

Оказалось, что взять и перестать много есть очень даже можно. Просто так взять и перестать.

Енотовидка мигом поняла, чем такие расклады оборачиваются для недостаточно крупных зверей, и смылась, пока ее не назначили едой.

Назавтра соблазнительный запах донесся со стороны лосиных кормушек, и все бросились туда.

Это начала оттаивать и благоухать грандиозная куча не востребованной лосями подкормки, которую всю зиму сгребал Шестой. На вершине кучи сидела очень грустная енотовидная собака. Увидав, как со всех сторон набегают, роняя слюни, волки и медведи, енотовидка не стала притворяться своим в доску хищником, а сделала ноги, и вовремя. Иначе ее точно бы пришибли через минуту-другую, когда стал ясен масштаб катастрофы.

Подкормка за зиму превратилась в нечто окончательно и бесповоротно несъедобное. Она могла только пахнуть. Тонны опилок распространяли дурманящий аромат пищи, но это был обман. Звери слегка расковыряли кучу, попробовали слежавшуюся гадость на зуб, поцапались между собой на нервной почве и разошлись, глубоко разочарованные.

Медведи отнеслись к исчезновению еды философски: ну, походили еще на тропу, потусовались там с обескураженными волками, поругались с ними, надавали серым оплеух и оставили в покое. А то мало ли. Волки с голоду радикально смелеют, и в один прекрасный

день ты приперся, такой весь из себя медведь, а стая тебе говорит: здравствуй, свежее мясо. Да ну их, дураков...

Волки, оставшись без лакомства, совершенно растерялись. Поначалу они сновали вплотную к ограде Лесничества, вынюхивая и на что-то надеясь, а потом начали каждую ночь под воротами дружно выть. Неделю.

И тут Первый затребовал у Шестого доклад: что у нас с лосями.

Шестой честно ответил: он исправно выполняет все предписанные работы по уходу за стадом, а самих лосей не видел очень давно.

Первый понял, что Шестой сломан куда сильнее, чем казалось. С помощью слесаря он раскурочил Шестого по винтику и собрал вновь, но лоси от этого не появились. Их не видели камеры и не слышали микрофоны.

Чтобы решить загадку, Первый предпринял личную инспекцию территории. Он выкатился из ворот и, сопровождаемый волками, двинулся по маршруту Шестого. Волки отлично знали, кто на территории главный и может все исправить. Они бежали за роботом двумя колоннами по обе стороны тропы. Будь у Первого подобие лица, волки скакали бы перед лесничим, преданно заглядывая в глаза и притворяясь собаками. Они надеялись на него, верили в него.

Они бы ему, наверное, гусеницы попытались отгрызть, скажи им кто, как дела обстоят в действительности.

Потому что нельзя просто так взять и перестать кормить волков опилками. Не поймут.

А Первый был озадачен. У него все наконец-то шло как надо, даже Третьего удалось вернуть в строй, и расчисткой буреломов на территории занимались мощные квалифицированные лесорубы. Но куда делись лоси? Естественным было предположить, что их съели волки. А завывания каждую ночь прямо под воротами могли значить лишь одно: сожрав лосей, серые почуяли себя организованной силой, вконец обнаглели и теперь хотят выжить роботов из Лесничества.

Первый осмотрел пустые кормушки и огромную кучу не пойми чего, отдаленно смахивающего на опилки. Волки сидели рядом, вывалив языки. Первый отдал команду лесникам прочесать территорию – вдруг лоси бродят где-то на самом краю – и снял пробу с кучи в надежде выяснить, что это, собственно, такое тут навалено.

Навалена была испорченная пища, а лоси пропали бесследно. Кучу следовало убрать подальше, а лосей каким-то образом завести снова.

Волки очень внимательно наблюдали за Первым. Когда он уехал, стая осталась у кучи. Обнюхала ее, осмотрела кормушки, а потом рысью скрылась в чаще, взяв курс на запад.

Этой ночью в лесу никто не выл.

А на рассвете у ворот Лесничества раздались топот и мычание.

Там стояло большое лосиное стадо.

И сидели полукругом, не давая лосям удрать, очень довольные собой волки.

Лесники опознали стадо как свое, отогнали его к кормушкам и придержали там – лосей надо было заново приучить к территории. А из ворот появился Шестой с волокушей, полной еды. И с лопатой, разумеется. Только держал он ее теперь не поверх кучи, а в манипуляторах.

Стая налетела на волокушу в надежде успеть поесть хоть немного... И дружно сморщила носы. Эта еда не пахла едой. И не была едой, во всяком случае, для волков. Настали теплые дни, и Первый загрузил лесникам обычный «летний» рецепт. самого простого лосиного комбикорма.

Волки бросились к воротам и закатили дикую истерику. Они трясли головами, плевались, рычали, визжали, а некоторые издавали даже что-то похожее на лай. Волки были оскорблены до глубины души.

Потом они ушли и не вернулись.

В мае на шатуна накатило весеннее настроение, и он наконец сообразил, с кем именно делил зимой вкусные опилки. Жених побежал делать барышне предложение. В нем уже совсем ничего не осталось от шатуна, он был гладкий, круглый, лоснящийся; красавец мужчина со сладким и мечтательным выражением морды. Тут-то ему барышня и припомнила, как он ее зимой третировал. Опасаясь смертоубийства, примчался Второй со шприцем, но обошлось.

По берлогам эти двое разлеглись до снега, и очень вовремя. Потому что в один прекрасный день Первый отметил: настала зима. И когда из ворот Лесничества, как обычно, вышел Шестой с волокушей на буксире, весь лес обратился в нюх. Еда вновь приобрела волшебный запах, и самой малости не хватало, чтобы этот аромат смог разбудить медведя.

По пути следования волокушу атаковала пара енотовидных собак.

А на завтра прибежали волки.

Отчего Первый думал так долго прежде, чем отблагодарить их за услугу, осталось загадкой для волков. Зато Шестой больше не бил грабителей электричеством, позволяя ехать на волокуше аж до самых кормушек, и только там начинал гонять их лопатой. Это волки оценили.

На самом деле Первый вообще ни о чем не задумался. У него был интеллект, но не было рефлексии, понятия благодарности или сочувствия ничего не значили для лесничего, он только исполнял свой долг и собирался делать это впредь, преодолевая любые препятствия ради Лесничества и своих подопечных.

А у Шестого просто заклинило шокер.

Медведица в берлоге перевернулась на другой бок. И улыбнулась во сне, совсем по-человечески.

Святослав Логинов. Дорога, изобильная водой

После томительного тягуна, перемежаемого осыпями, бездорожье стало таким, что даже вездеход пройти не мог. Пришлось останавливаться и думать, что делать дальше.

Соло здесь никогда не показывалось из-за горизонта, но было близко, от чего небо сияло заревом, освещавшим окрестности, а тёплый ветер хотя и не мог растопить лёд, но позволял дышать. Будь иначе, даже разведчик не мог бы сюда проникнуть.

Катарин сбросил на камни поклажу, и вездеход тут же улёгся рядом. Инстинкт подсказывал ему, что здесь он не отыщет ни былиночки, и животное берегло силы.

Путь, казавшийся самым перспективным, обернулся тупиком. Оставалось надеяться, что одна из развилок, которых позади встречалось немало, приведёт не к сплошному завалу, а откроет путь на север. «Дорога, изобильная водой», как говорится в обугленных пророчествах. Но чтобы пророчества сбылись, нужно как следует побродить в холодных сумеречных землях, не жалея ни себя, ни вездехода, отыскивая обетованную дорогу, чтобы внукам было куда отходить, когда Соло приблизится к счастливым землям и сожжёт их.

О том, что случится, если дорога не отыщется, Катарин старался не думать. Хотя думай не думай, всякому ясно, что, если не удастся отступить от надвигающегося Соло, в живых не останется никого. Каждый народ отступал своим путём, кому-то должно было повезти, а другие народы, иной раз сильные и многочисленные, оказывались прижаты к непреодолимым горам и гибли после того, как Соло глянет на них в упор.

Дед рассказывал Катарину, что в годы его молодости, или даже раньше, перед людьми стоял большой выбор: куда отступать от надвигающейся жары. Именно тогда они обрели счастливые земли, а народы, не сумевшие завоевать себе этого права, расточились по узким ущельям, где тоже много воды, но меньше плодородных земель и склонов, годных под пастбища. Некоторое время с этими людьми можно было встречаться, но затем Соло выжгло проходы, и с тех пор никто уже не приходил, чтобы вторгнуться в счастливые земли. Если потомки тех людей живы, они также ищут путь на север, и может быть, им повезло больше. Кто знает, вдруг узкие расщелины, показавшиеся некогда ни к чему не пригодными, куда оттеснили противника, упираются в пологий ледник, который даст земле воду, а когда растает, на его месте откроется долина, покуда бесплодная, но готовая стать новой счастливой землёй. Только жить там станут чужаки, которые помнят, как сильные соседи гнали их на верную смерть.

Малость передохнув, Катарин поцокал вездеходу и, выбирая дорогу среди обледенелых камней, начал спуск. Без вездехода не так просто удалось бы одолеть этот маршрут, но вышколенное животное умудрялось держаться на таких склонах, где, казалось бы, цепляться вовсе не за что.

Довольно много времени ушло на то, чтобы спуститься на тягун, где можно было бы вскочить на вездеход и ехать, ни о чём не заботясь, но Катарин продолжал путь пешком, не желая мучить животное. Здесь уже местами встречались лишайники, способные расти, если мороз не слишком силён. Временами вездеход приостанавливался и соскребал с валунов зеленеющие пятна лишайников или хрустел льдом, белеющим меж камней. Катарин не торопил вездехода. Он хотел проверить ещё одно ущелье, а для этого вездеход должен быть сыт.

Вокруг заметно стемнело. Ведь это только кажется, что Соло неподвижно висит в небесах и требуются годы, чтобы заметить его движение. Но есть и небольшие колебания, которые называются прецессией. Соло чуть-чуть отходит, потом делает шагок вперёд. По этим колебаниям отсчитываются ночные и дневные часы. Будь иначе, люди потеряли бы всякое представление о времени. Есть и годовая прецессия, с которой соображаются земледельцы.

Разгуливать по горам в темноте не следует даже на вездеходе. Катарин тоже перекусил, сунул в рот ледышку и улёгся, прижавшись к тёплому вездехожьему боку.

Когда кругом развиднелось, Катарин поднялся, взнуздal вездехода и двинулся вниз, стараясь не загадывать, какую из боковых расщелин попытается он исследовать сегодня. У разведчиков существовал сложный ритуал выбора пути, но Катарин не верил в мистические приметы и не слушал никого, кроме собственной интуиции, что не мешало ему числиться самым удачливым следопытом.

Чёрные, шелушащиеся окалиной камни ясно говорили, что когда-то, бессчётное число поколений назад, здесь была раскалённая пустыня, и Соло, висящее в зените, сжигало самые камни. Потом из огненной смерти горы ушли в ледяную смерть, а теперь вновь возвращаются в свету. Предки знали, как и почему это происходит, а Катарин просто верил старшим, поскольку всё, что он видел, подтверждало их слова. Соло неуклонно надвигалось, оттесняя людей к горам, и скоро в счастливом краю станет попросту невозможно жить. Зато в горах из-под льда высвобождалась пленная земля, и там порой находили развалины селений, принадлежащих неведомым народам. Катарин частенько пытался представить, каково живётся там, где на людей надвигается не зной, а мрак и холод. Люди бросают дома и пашни и откочёвывают вслед за уходящим Соло. А как они обходятся с водой, ведь там нет тающих ледников? Где берут начало их реки и есть ли они вообще? Станные люди живут на той стороне земли, недаром они зовутся антиподами.

Знают ли они о нас и как нас себе представляют? Мы находим развалины их домов, остатки дорог, даже сложенные из камня и глины могилы – лёд сохраняет всё. А что останется от наших селений, когда их как следует прожарит Соло? Скорей всего не будет ничего, кроме шелушащихся окалиной камней. И конечно, будут возвышаться гробницы древних – над ними не властны ни лёд, ни Соло.

В начале спуска обожжённые камни были покрыты тонкой наледью, невероятно затруднявшей движение. Идти по ним без вездехода было бы страшно трудно, зато ноги вездехода одинаково прочно держались на камне и льду, на крутых подъёмах и не менее крутых спусках. Даже сейчас Катарин не стал забираться вездеходу на спину, просто пошёл, держась за густую гриву. Хороший вездеход – не выючное животное, это друг, он знает, что человек не станет напрасно нагружать его работой, везде, где можно, свою долю трудностей он возьмёт на себя.

В одиночку спуск занял бы вдвое больше времени и сил, а так Катарин довольно быстро оказался в небольшой долинке, где начинались пути в разных направлениях. Здесь было довольно тепло, хотя Соло из-за горизонта не показывалось. Однако тёплый ветер с жаркой стороны успевал напитаться влагой, и камни, к удовольствию вездехода, густо покрылись лишайниками. Катарин позволил вездеходу малость подкормиться, сам тем временем выбирая дальнейший маршрут.

Трудность состояла не в том, чтобы успешно перевалить через горы; всем народом это можно будет сделать. Опытные скалолазы одолеют любую крутизну, а затем, спустив вниз верёвки, поднимут в плетёных люльках женщин, детей, стариков и не слишком тяжёлый скарб. Даже стада ко всему привычных барашей и табуны вездеходов можно провести через горы без заметных потерь. Беда в другом: за перевалом – царство льда, и Соло согреет те места через пару десятков лет после того, как оно же спалит счастливую землю. За это время народится новое поколение, и ему надо будет где-то жить и кормиться. Долинка, которую отыскал Катарин, хороша, но слишком мала. Дорога, которую он ищет, должна быть не только проходимой, но и кормной.

Есть множество примет, по которым можно выбирать будущую дорогу, но главная из них – следы водных потоков. В неведомые времена здесь текли реки и ручьи. Никто не ска-

жет, было ли это во времена антиподов или даже много эпох назад. Но раз вода была некогда, значит, может быть и сейчас.

Катарин взял немного пепла, растёр его на ладони. Когда здесь появится вода, пепел быстро превратится в плодородную почву. Хорошая долинка, уютная, всем изобильная, и склоны не слишком крутые, лавин можно не бояться. Жаль, что мала долинка, весь народ не вместит, и выходы из неё покуда не разведаны; как бы симпатичная долинка не обернулась ловушкой, куда легко зайти, но трудно выбраться.

Особых затруднений при выборе маршрута Катарин не испытывал, так или иначе придётся исследовать все возможные варианты, речь идёт лишь об очередности. Катарин поцокал, подзывая вездехода, навьючил на него торбы и направился к расщелине, которая показалась ему привлекательней других.

Вновь начался выматывающий силы тягун. Полей и огородов здесь ждать не приходилось, а пастбища будут приличные. Тягун, как и в прошлый раз, закончился сплошным бездорожьем. Справа и слева вздымались изъеденные скалы, у подножия которых кучились осыпи. Казалось бы, никакого пути между ними не сыскать, но вездеход природным чутьём находил дорогу. Долго и тяжело ползать по таким местам, но только живущие в горах обретают счастливые земли. На равнинах слишком мало воды, с гор она не дотекает, и Соло, когда приходит его время, выжигает равнину слишком быстро. Потому народы и сражаются за право отступать по укромным ущельям. Но когда ущелья оказываются тупиками, недавние победители погибают первыми, ведь вернуться и избрать новый путь уже нельзя, там властвует Соло, и человек сгорит немедленно, словно брошенный в печь. Чтобы этого не случилось, Катарин и другие следопыты бродят по мёрзлым землям, разведывая пути безопасного отхода.

Главное для человека не только земля, но и вода. Не будет полива – погибнут посевы, не окажется водопоев – сгинут стада. А водные потоки потекут с гор, когда Соло начнёт растапливать ледники. Так образуются счастливые земли. Их орошают прохладные ледниковые воды и умеренно согревает чуть выглядывающее из-за гор Соло.

Но постепенно Соло поднимается выше, жара и духота охватывают край, ещё недавно казавшийся земным раем. Поначалу это не так плохо, жару и яркий свет можно перетерпеть, а урожаи в такое время снимаются небывалые. В ущельях тоже становится тепло, и льют непрерывные дожди, которые приносят возвратные ветра. К сожалению, оползни и лавины в такую пору сходят едва не каждый день. Пройдёт ещё несколько лет, и долины придётся покидать, ничего живого там не останется.

Поднявшись на увал, Катарин остановился, поражённый открывшимся зрелищем. Обширная котловина была целиком заполнена льдом. Оценить глубину будущего озера не удавалось, но зеркало превышало размерами самый большой ледник, что приходилось видеть Катарину. Поверхность льда не была гладкой, хотя лёд нигде не был взломан, но за нескончаемые мгновения вечной ночи кристаллики инея на некогда блестящей поверхности бессчётное число раз подвергались холодной возгонке и вновь кристаллизовались в большем размере. Теперь они напоминали ножи и иглы длиной в локоть. Пройти по этой поверхности не смог бы даже вездеход. Когда с дневной стороны потянет тёплым ветром, иглы начнут слезиться и потеряют остроту, но пока здесь пути нет ни для кого, кроме Катарина и его вездехода.

Следуя изгибам невидимого карниза, Катарин прополз вдоль обрыва, и верный вездеход проследовал за ним, не потеряв поклажи.

За будущим озером оказался небольшой увал, а затем дорога пошла под уклон. Собственно, это был привычный тягун, просто двигаться пришлось не в гору, а на спуск. Если вода из озера хлынет в эту сторону, тут будут отличные пастбища. Жаль, что пахотных земель Катарин так толком и не нашёл. Всюду, сколько видит глаз, камни, спаянные льдом. И на

этом вымороженном фоне – пятно, чуть выделяющееся, но вполне заметное наметанному взгляду. Туда Катарин и направил вездехода. Если что-то показалось странным, разведчик не должен проходить мимо.

Прежде Катарину не приходилось видеть такое, но он сразу понял, что перед ним. Гробница древних! Легенды рассказывают, что где-то на равнинах стоят две гробницы, огромные, как самая большая скала. Встречались и гробницы поменьше, но о такой маленькой сказки не говорили. К тому же стояла она в горах, а это дело вовсе небывалое.

Была гробница приземиста, не достигая в высоту и двух человеческих ростов. Длина составляла около десяти шагов, ширина – чуть меньше пяти. Глубоко ли она уходит в почву, Катарин сказать не мог, щебень слежался, плотно схваченный морозом, а сколько его нанесло с ближайших осыпей, можно только гадать. Никаких углов и выступов на гробнице не было: этакая вытянутая капля, лежащая на боку. Говорили, что самый твёрдый камень не оставляет следа на стене гробницы, и Катарин не преминул проверить это утверждение. Так и вышло: острый кристалл безвредно скользнул по неразрушимой поверхности.

Касаясь пальцами холодной стены, Катарин обошёл гробницу. Очень хотелось разгрести щебень и посмотреть, что внизу, каково основание постройки, но Катарин понимал, что одному такая работа не под силу. Но было не избавиться от ощущения, что никакого основания у гробницы нет, что внизу она так же скруглена, как и с боков, не выстроена, а просто положена на склоне, принесённая неведомой силой.

Уже обойдя гробницу кругом, Катарин обнаружил вход. Трещина или щель, плотно забитая пылью, была тем не менее хорошо заметна. Можно ли её расширить, Катарин не знал, но, вытащив нож, принялся выскребать слежавшуюся пыль. Спустя несколько минут дверь удалось поддеть ножом, после чего она не распахнулась, а выдвинулась вперёд, а затем легко отъехала в сторону.

Открылся проход. В вечной полутьме предутренних сумерек он казался чёрным провалом.

В своих путешествиях Катарину не раз приходилось осматривать узкие расщелины и разломы, куда не проникал рассеянный свет скрытого за горизонтом Соло. На такой случай в заплечном мешке хранилось несколько светцов, скрученных из просмоленных волокон. Катарин выбил искру и, подняв факелок повыше, заглянул в отверстие. Перед ним было крошечное помещенье, неясно, зачем устроенное. Здесь нельзя было лежать и не на чем сидеть. У стены стояли два горшка, низких и широкогорлых; свои таких не лепят. В одном было зерно, во втором что-то намертво смёрзшееся, скорей всего какая-то еда. Вряд ли антиподные жители устроили в гробнице кладовку, Катарин и его соплеменники порой находили брошенные жилища закятных и знали, как они живут. Это закатым от людей Катарина не достаётся ничего, Соло сжигает все следы, а мороз сохраняет.

Скорей всего в горшках были подношения предкам. Среди своих некоторые считали, что мёртвых надо кормить, так почему бы закатым не думать так же?

Сам Катарин ни в какую мистику не верил, странно было бы разведчику верить в духов и прочую ерунду. Но, отколупнув в горшке несколько зёрен, Катарин подумал, что надо бы проверить, не сохранили ли семена всхожесть. Такие находки порой бывают очень полезны. Надо будет сегодня же наскрести пару пригоршней зерна, но прежде следует взглянуть, что ждёт его в гробнице дальше. Очертания второй двери чётко виднелись на противоположной стене.

Вторая дверь отъехала в сторону так же легко, как и первая. Вздвигая просмоленный жгут, Катарин шагнул вперёд. Глаза, привыкшие к полумраку предутрия, различали всё прекрасно. Перед ним в самом деле была гробница, и в ней был похоронен всего один человек. Ни на миг Катарин не усомнился, что видит останки хозяина усыпальницы.

Раз за разом несокрушимая гробница оказывалась под прямыми лучами Соло, когда сами камни рассыпаются в прах, затем уходила в тень, и внутрь пробирался немыслимый мороз. То, что некогда было плотью, давно пересохло и обуглилось, но то, что осталось, по-прежнему напоминало человеческую фигуру, сидящую в кресле пилота.

«Кресло пилота» – так называется подставка, на которую усаживают умерших родичей. Живые люди отступают перед жарой, а кладбища остаются, и Соло испепеляет тела и кресла, на которые усажены мёртвые. Только несокрушимые гробницы древних остаются стоять, будто вчера выстроены, и хрупкие кости предка сидят в кресле пилота.

Катарин молча отшагнул назад и вернул на место дверь, плотно закрыв вход. Он нашёл подтверждение обугленным легендам, и старики будут довольны, но главное всё же отыскать дорогу на полночь, а тут до сих пор заметных успехов нет. Значит, надо идти дальше.

Вездеход, оставленный возле гробницы, отошёл немного в сторону, разгребал ногой щебень и что-то грыз. Катарин подошёл глянуть. Под слоем щебня и плотно слежавшихся пыли и песка, нанесённых ветром, обнаружили остатки кустов, накрепко высушенные морозом, но годные в пищу неприхотливому вездеходу. Вообще древесина плохо сохраняется даже на холодной стороне, вымороженное дерево ветра легко истирают в пыль, но погребённые под небольшим слоем песка ветки кустарников могут храниться сколь угодно долго. И раз закатные люди не вырубали кустарники для своих нужд, значит, места эти были богаты всяким произрастанием. Хорошая примета. Теперь бы найти долину, где можно не только пасти скот, но и по-настоящему пахать. Сюда потом можно вернуться, разжечь костерок, обогреться, подкормить вездехода, а пока надо идти дальше.

Плато в этом месте полого спускалось, нагромождений камней не было, значит, можно ехать верхом. Катарин подозвал отдохнувшего вездехода и поехал, не слишком торопясь, но куда быстрее, чем прежде. Со спины зверя видно хорошо, и Катарин издали заметил, что плоскогорье круто обрывается вниз. Спешился, подошёл к обрыву. Внизу расстилалась долина. Не ущелье, слегка сглаженное временем, а настоящая долина, о каких только сказители песни поют. Когда-нибудь внизу потечёт река, чей исток будет в замёрзшем озере, на её берегах станет колоситься хлеб. Спуститься вниз всем народом – не проблема, куда трудней преодолеть те бугры и стены, что встретились Катарину за последние два дня. А здесь – верёвочные лестницы, блоки – и человеческая река вместе со всем имуществом и стадами хлынет вниз.

Катарин подошёл к краю, чтобы как следует оглядеть обрыв.

Пропасть на сотню махов глубиной, и там, на дне, стоял развьюченный вездеход.

Чужой разведчик! Он уже здесь и, быть может, успел сообщить своим о чудесной долине, в которой безбедно проживут три, а то и четыре поколения его родичей.

Но где же сам следопыт? Катарин прищурил глаза, выглядывая соперника, и быстро отыскал его. Тот пластался по стене, медленно поднимаясь на обрыв. Всё понятно, на то он и разведчик, чтобы выяснить, что находится наверху. Но он чужой разведчик и сейчас уязвим как никогда. Один не слишком большой камень – и проблем больше нет. То есть проблемы всё равно будут, ибо заселять долину начнут ещё не скоро, и за это время её сотню раз отыщут и свои, и чужие. Кровь незнакомого скалолаза станет лишь первой, пролитой в грядущей войне.

Война будет идти во имя памяти предков и ради жизни потомков. Такие войны неизбежны, и ничто не может их остановить.

Вот только совсем близко, за спиной, высится гробница древних, и все люди, свои и чужие, – равно потомки истлевшего пилота. Никогда прежде не случалось войн возле гробниц, во всяком случае, люди такого не помнят. Хотя и о гробницах, стоящих в горах, тоже никто не помнит.

Катарин вздохнул и принялся разматывать верёвку, обмотанную вокруг пояса. Будет война или не будет, но первую кровь прольёт не он.

Почувствовав прикосновение верёвки, незнакомый скалолаз, ни мгновения не колеблясь, закрепил конец на поясе. Если сверху спускают страховку, значит, сбрасывать в любом случае не станут.

– Здесь гробница древних, – предупреждая расспросы, произнёс Катарин, когда над краем обрыва показалось лицо чужого разведчика.

Чужак отцепил страховку, смотал и подал её Катарину.

– Гробница далеко? – слова он произносил странно растягивая, но в целом понятно.

– Часа за три дойдём.

Шли молча. Катарин не очень понимал, о чём можно говорить с врагом. Рядом с гробницей общего предка воевать нельзя. Можно разговаривать и торговать, но чем торговать и о чём говорить?

Шли быстро и дошли засветло. Не дожидаясь, пока чужак отыщет вход, Катарин сдвинул дверь и, затеплив светец, привычно шагнул в могильную тьму. Сзади слышалось сдавленное дыхание чужака.

– Вот, значит, оно как...

– Да, это кресло пилота. Настоящее.

– Я говорю о пульте.

– Пульт управления тоже настоящий.

Пултом управления называли глиняную стеночку, которую во время похорон выкладывали перед креслом пилота, так что сидящий покойник смотрел на узоры, выдавленные на влажной глине. Здесь тоже был пульт, не глиняный, конечно, а из таинственного материала древних, способного противостоять жаре и холоду. Но на нём были не рисунки, а глубокие дыры, заполненные хрустким пеплом.

– Там что-то было.

– Пульт, – недоумевающе ответил Катарин. – У вас разве не выкладывают перед креслом пилота пульт управления?

– Выкладывают. И старики чертят на пульте узоры. Но здесь что-то иное. Этот пульт явно был зачем-то нужен.

– Что может быть нужно мёртвому? Только лететь к звёздам. И сегодня для этого в гробницах ставят кресло пилота и пульт управления. Но полёт начинается, когда всё это сгорает.

– Наши старики тоже так делают. И антиподы – тоже. Только их захоронения не горят и никуда не деваются. И гробницы древних стоят нерушимо. Значит, тут что-то иное, о чём мы не знаем.

Не сговариваясь, оба вышли под потемневшее небо.

– Тут есть дрова, – сказал Катарин, подводя чужого разведчика к основательно разрытому вездеходом месту.

Мелкие веточки вездеход давно схрумкал, а те, что потолще, разведчики легко поломали на полешки и развели костерок. Пересохшая древесина горела жарко и бездымно. Нечасто в походе удавалось погреться у костра, а чтобы сидеть рядом с противником, такого и вовсе не бывало.

– Меня зовут Машок, – произнёс чужак.

Хорошее древнее имя. Человек с таким именем – воин или разведчик и уж всегда настоящий мужчина. Жаль, что он не свой.

– Я – Катарин.

Вот так. Спрашивается, как им сражаться друг с другом, когда они встретятся в бою?

– Удивляет меня эта гробница, – произнёс Машок. – Зачем её тут построили и выстроена ли она вообще? Думаю, если разрыть щебень, мы не найдём внизу никакого фундамента.

Катарин кивнул, хотя Машок не мог видеть этого жеста. Ведь разговор предусматривает спор, иначе никакой истины не добьёшься. И хотя Катарин был согласен с Машком, он возразил:

– Гробница строится, чтобы умерший мог уйти к звёздам, с которых пришли предки. Потому и делается деревянное кресло пилота, а из глины лепят пульт управления, и старики разрисовывают его приборами.

– Теперь мы увидели, как это должно быть на самом деле.

– Не совсем, а то, что осталось. Соло не заглянуло в гробницу, но и там, что могло гореть, выгорело дотла.

– Это так, но я говорю о другом. Уверен, что это не гробница. Она не выстроена здесь, а прилетела со звёзд, как то рассказывается в легендах.

– Пусть так, – сказал Катарин, – но что с того? Сегодня мы летаем к звёздам лишь в мечтах и сказках, глиняные гробницы не могут оторваться от земли, а эта гробница, даже если летала когда-то, полностью выжжена.

– Представляю, каково там, на звёздах, – задумчиво произнёс Машок, – ведь там негде укрыться от Соло.

– Потому они и прилетели сюда, где есть благословенные земли.

– Жаль, что их не хватает на всех. Из-за этого вражда и войны. Мы хорошо помним, как ваши деды сбили нас с перевала и загнали в теснины. А счастливые земли достались вам.

Вот и прозвучали слова, которых ждал и боялся Катарин. Разведчик, которому он помог забраться на обрыв, оказался врагом. Да и кем он мог оказаться?

– Сейчас там почти невозможно жить, – словно извиняясь, сказал Катарин. – Ещё два-три года, и Соло прогонит нас оттуда.

– У нас были очень тяжёлые времена. Дед рассказывал, что тогда многие умерли от голода. Потом мы открыли долину, вышедшую из тьмы, и сейчас наш народ многочисленней и сильнее, чем был когда-то. А когда Соло приблизится, мы собираемся отступить сюда. Это тоже очень хорошая долина, она даже больше, чем та, где мы живём сейчас, хотя пока мы не нашли здесь обильных источников воды.

Богатый, попросту чудесный источник воды Катарин видел всего несколько часов назад. Когда горное озеро начнёт оттаивать, воду можно будет направить в нужную сторону. Но кто скажет, какая из сторон нужная? Поставить небольшую плотину, чуть углубить будущее русло, и вода бессмысленно хлынет в ущелье, по которому утром пробирался Катарин. А можно поставить запруду с противоположной стороны и расчистить другое русло. Тогда с обрыва, у которого они сидят, заструится водопад, и долина внизу обратится в цветущий сад. Но к этому времени долину займут соплеменники Машка, а своим не достанется ничего. Значит, снова, как три поколения назад, разразится война. С обрыва на длинных верёвках заскользят люди из народа Катарина, воины, которые сейчас ещё играют в камушки, а то и вовсе покуда не родились. Внизу их будут ждать собратья Машка, и вряд ли многие достигнут дна живыми.

Сегодня судьбу не родившихся поколений решают два разведчика, мирно сидящие у костерка. Пока между ними мир, подкреплённый памятью древних, рядом с гробницами которых нельзя сражаться. Но когда речь пойдёт о существовании народа, обугленные традиции будут забыты.

Машковцы попробуют штурмовать обрыв или начнут искать обходные тропы, чтобы подняться наверх, но у них тоже ничего не получится, сбивать ползущих на скалу всегда проще, для этого достаточно камней. Так два народа, презревшие заветы предков, и останутся впустую стоять: одни – погибая от голода, другие – от безводья.

Очевидно, и Машок думал о том же, потому что вдруг спросил:

– Как бы поступил на нашем месте древний пилот?

– Все люди, сколько ни есть, его потомки. Потому и запрещено воевать возле гробниц.

– Наверняка эта гробница поставлена здесь неспроста. Если и впрямь они могли летать по небу, то по земле тем более умели двигаться, вот старый пилот и прилетел перед смертью сюда, чтобы дать нам знак.

– Забавно получается, – проговорил Катарин, – выходит, гробницы делались не для смерти, а для жизни, ведь эта гробница не улетела к звёздам, когда пилот умер. Выходит, это не могила, а что-то вроде вездехода. Хороший вездеход в случае гибели хозяина никуда не уйдёт, а будет ждать, пока не погибнет сам.

– Как бы то ни было, – вернулся к прежней мысли Машок, – это знак нам, что здесь нельзя воевать.

«Что бы ты сказал, – подумал Катарин, – если бы знал, что вода, без которой долина теряет привлекательность, находится за моей спиной... Тогда ваших скалолазов будет не остановить, они полезут на штурм, но им уже никто не станет спускать верёвки, чтобы помочь подняться».

Машок подкинул в костёр пару источенных временем веток и сказал:

– Открой гробницу ещё на минуту.

– Темно...

– Мне только первую дверь. Я и светец палить не стану, возьму только горшок, что антиподы оставили. Тот, что с зерном, он ценный, пусть пока стоит, а я другой.

– Зачем?

– Антиподы в своих могилах оставляют умершим еду. Про зерно я прежде не слышал, а про еду старики говорят. И если она накрепко замёрзла, то портиться не будет, и её можно есть. Кто еду антиподов пробовал, тому удача на всю жизнь.

– И ты рискнёшь?

– Почему бы нет? Не яд же они там положили... Тут спит наш общий предок, антиподов в том числе.

Катарин кивнул, соглашаясь. Разведчики поднялись и принесли к костру необычно низкий горшок, вылепленный в давние времена людьми, идущими вслед за Соло.

Горшок пристроили на угли, долили из фляг немного воды. На крепком холоде ничто не портится, но высыхает быстро, если нет плотной крышки. Крышечка на горшке была, но не слишком плотная.

Через несколько минут содержимое стоящего на углях горшка сытно запыхтело.

– Каша, – сказал Катарин, принявшись.

Машок зацепил немного кончиком ножа и осторожно попробовал.

– Каша, – подтвердил он. – Вкусная.

Катарин тоже достал нож, придвинулся к горшку.

Есть кашу с ножа не слишком ловко, да ещё в компании с человеком, на которого этот нож запасён. Тут уже не думаешь, что сварена каша прорву поколений назад людьми, живущими по ту сторону мира. Вовек бы такому не бывать, если б не чернела поблизости приземистая гробница пилота-прародителя, которая, может быть, вовсе не могила, а умерший вездеход.

Последние остатки каши Катарин собрал со дна рукой и тихонько посвистал вездеходу. Тот сразу подошёл, осторожно соскрёб угощение с ладони. Зубы у вездехода вдвесьтеро против человеческих, ему ничего не стоит отсадить кисть руки, но ещё не было случая, чтобы умное животное кусило хозяина.

Катарин похлопал ладонью по щебню, вездеход послушно улёгся.

– Устраивайся на ночёвку, – предложил Катарин.

Лёг, прижавшись к вездехожьему боку. Машку оставил ту сторону, где дополнительно пригревал не совсем ещё остывший костерок. С полминуты прошло в тишине, потом Катарин спросил:

– Ты внизу воду нашёл?

– Нет, – слышалось из темноты. – Долина преогромнейшая, но сухая. На окрестных вершинах ни одного сколько-нибудь приличного ледника. И возвратные ветры тоже дождей не принесут, негде им водой напиться. Последняя надежда была на этот обрыв, где мы встретились.

– Здесь есть вода, – сообщил Катарин то, о чём хотел промолчать. – А по ущельям, которыми я поднимался, уже сейчас текут реки. У нас возвратные ветра несут тёплые дожди с благодатных земель... с бывших благодатных земель. Мы ещё живём там, но это не надолго. Становится слишком жарко, урожаев почти нет. Слышал, наверное, сначала урожаи бывают огромные, а потом хлеб выгорает, не успев выколоситься. А по ущельям на север от наших поселений пахотных земель не будет. Единственная наша надежда – равнина под обрывом, где мы встретились. Тут за моей спиной огромное озеро, промёрзшее до дна. Когда оно начнёт оттаивать, воду можно будет сбрасывать в наши ущелья или на равнину, с обрыва. Представляешь, какой тут появится водопад?

– Я знаю. На скале сохранились следы потока. Поэтому я и полез на обрыв.

– И встретил меня. А когда подойдёт весь ваш народ, над обрывом уже будут стоять наши люди.

– Значит, война?

– Получается, так.

– Катарин, ты хочешь войны?

– Нет. Мы встретились и не убили друг друга. Мы ели кашу из общего горшка и грелись у одного костра. Это веская причина, не говоря уже о том, что рядом поставлена гробница древних. Даже если старый пилот случайно погиб здесь, он не мог выбрать для гибели более удачного места.

– Что мы можем сделать, чтобы войны не было?

– Почти ничего. Ни ты, ни я не станем вредить своему народу, а это значит, что мой народ заселит плоскогорье и станет распоряжаться водой, а твои люди первыми войдут в долину. Это всё равно случится, потому что всех нас гонит Соло. Но дальше кое-что зависит от нас. Голос разведчиков веско звучит на совете, и завет древних тоже на нашей стороне. Встретившись у гробницы, наши народы не должны вцепиться друг другу в горло. Я постараюсь уговорить своих соплеменников, чтобы они дали вам воду, ведь озеро так или иначе должно иметь сток. А вы, когда долина зацветёт, дайте нам хлеб. После этого уже никто не захочет воевать. Три, а быть может, четыре поколения проживут рядом в мире, и кто знает, не станем ли мы, как встарь, одним народом.

– Нас разъединяет пролитая кровь, а объединяет древняя гробница и горшок каши, сваренной антиподами.

– Вот именно. Кровь ещё не остыла, но она остынет, а старого обычая ещё никто не нарушал. Мы должны попытаться помирить наших людей.

– Это будет непросто, – сказал Машок, – но я очень постараюсь. И вот я о чём подумал... Антиподы, живущие на той стороне, что знают они о нас? Надо будет послать им подарок, сказать, что мы есть и не враги им.

– Какой подарок? Это они могут оставить горшок, полный каши, она замёрзнет в ледяной ночи и останется съедобной через тысячу поколений. А что можем оставить мы? Что может гореть, сгорит. Глина и камень рассыплются от страшного жара, бронза расплавится, железо изойдёт на окалину. Холод сберегает, огонь разрушает всё.

– Золото. С ним ничего не случится.

– Это верно, – согласился Катарин, – но ведь надо будет уговорить стариков расстаться с золотыми украшениями. Золота мало, далеко не у всех моих соплеменников есть золотой оберег.

– К тому времени, когда эта гробница уйдёт под прямые лучи, мы сами станем стариками. Если вообще доживём.

Разговор иссяк, настала тишина, лишь вездеход порой шумно вздыхал во сне.

Едва начал брезжить прецессионный свет, оба разведчика были на ногах. Отнесли в гробницу пустой горшок, а зерно из второго горшка разделили на три части. Одну часть на всякий случай оставили там, где оно пролежало долгую зиму.

Затем пошли к обрыву. Ни один не проронил ни слова. Зачем? Обо всём переговорено ещё вчера. Катарин принялся разматывать страховочный шнур, а Машок закрепил его у себя на поясе.

Разведчики не прощаются при расставании. Не то чтобы это была дурная примета, мало кто из следопытов верит в такую ерунду, но просто прощаться не принято. Машок подошёл к обрыву и быстро начал спускаться. Когда тебя надёжно страхуют, спускаться не так трудно. Через несколько минут он оказался внизу и махнул рукой, чтобы Катарин выбирал верёвку.

Рука сразу почувствовала, что шнур идёт не пустой. Когда вся длина была выбрана, Катарин увидел, что на конце висит пояс разведчика с ножнами и тяжёлым кинжалом. Ни секунды не раздумывая, Катарин развязал свой пояс, призывно махнул рукой, привлекая внимание Машка, и, широко размахнувшись, кинул пояс вниз. Машок сразу опоясался, а через минуту уже скрылся за нагромождением камней, пробираясь туда, где был оставлен его вездеход.

Катарин вытащил свой новый нож, попытал на пальце остроту лезвия. Хороший был нож, не хуже старого. Хотя у разведчиков и не бывает плохих ножей.

Ножами так просто не меняются. Теперь у Катарина среди вражеского народа живёт побратим, и, значит, надо костями лечь, но добиться, чтобы враги стали друзьями.

Катарин вернулся к гробнице. Вездеход ждал его, готовый отправиться в обратный путь. Но Катарин прежде вновь открыл неплотную дверь гробницы, скинул верхнюю одежду и снял с груди драгоценный оберег. Когда-нибудь в эти края придёт тепло, а следом неистовый жар Соло. Гайтан, на котором висит святыня, сгорит, на сам оберег, отчеканенный из чистого золота, уцелеет и принесёт людям, живущим на той стороне мира, весть о народе Катарина. Только куда его пристроить, чтобы его непременно нашли, и у нашедших не было ни малейшего сомнения, что это не случайная потеря, а знак, адресованный им?

Катарин откатил вторую дверь и положил крошечную золотую ракету на пульт управления перед телом предка, вечно сидящего в кресле пилота.

Дмитрий Казаков. Адский червь

*Солнце останавливали словом,
Словом разрушали города.*

Николай Гумилёв

Генерал Макалистер был лыс, краснолиц и пучеглаз.

Мощный голос и привычка лупить по столу пудовым кулачищем объясняли намертво прилипшее к нему прозвище Тихоня.

Семен, хоть и служил в Управлении стратегической информации с начала войны, то есть более двух лет, сталкивался с высоким начальством не так часто, ну а уж в кабинете у него и вовсе находился впервые...

Оно и не по чину простому капитану.

Так что Семен нервничал, ожидая, когда очередь дойдет до него.

Совсем не успокаивало и то, что в соседнем кресле развалился его непосредственный командир. Майор Компрадор-Санта-Мария де ла Крус славился не только объемом пуза, но и отсутствием характера, а также готовностью похоронить кого угодно ради собственной горячо любимой кастильской задницы.

Он не упускал случая поименовать себя испанским дворянином, хотя чванливые идалго вряд ли бы стали гордиться таким потомком. Конкистадора или дуэлянта майор напоминал меньше, чем дистрофик грузчика, разве что во всякого рода интригах был экспертом не хуже предков.

— Раз уж вы позволили себе так обосраться, то хотя бы не мажьте дерьмом остальных! — закончил генерал длинную тираду, обращенную к крепкому, щеголеватому полковнику из шифровального отдела.

«Вот сейчас меня и смешают с этим самым дерьмом», — подумал Семен, глядя как полковник, за пятнадцать минут потерявший лоск и уверенность и даже вроде бы постаревший, бредет к своему месту.

— Так, что у нас дальше... — Макалистер отхлебнул из бокала коричневой жидкости, похожей на чай: что именно он пьет, никто не знал, и по управлению ходили легенды; в банальных версиях упоминались виски и ром, в изощренных — специальным образом приготовленная кровь бржудов. — Отдел семантических исследований, майор де ла Крус...

Семен облизнул пересохшие губы, отогнал искушение юркнуть под стол.

В конце концов, он не кадровый военный и оказался тут, в общем, случайно...

— Да, мой генерал! — Майор выскочил из кресла, как жирный чертик из табакерки. — Сегодня мы представим окончательный доклад по проекту «Адский червь»!

Названия самозванный дворянин любил звучные, броские, а термина «нелепость» в его словаре не имелось.

— Моим содокладчиком будет куратор проекта капитан Буряков.

Ну, все, деваться некуда... Семен поднялся, вытянулся, стараясь хотя бы на миг выглядеть не штатским хлыщом в военной форме, а настоящим офицером, достойным стандартов УСИ.

Генерал сморгнул, наверняка подгружая в оперативку досье на капитана, о котором до сегодняшнего дня если и слышал, то мельком: уроженец Архангельска, выпускник МГУ по специальности «ксенолингвистика», автор пяти монографий по семантике и когнитивной

структуре бржудского языка, призван тогда-то, уровень допуска такой-то, в докладах отдела внутренней безопасности характеризуется таким-то образом...

Каким именно образом, знать Семен не мог, но надеялся, что все у него в порядке. Особо выдающимся порокам он не предавался, говорливостью не отличался, контактов с агентурой противника на Земле, если таковая вообще существовала, не имел.

– Докладывайте, – велел Макалистер. – Посмотрим, что вы там придумали.

С разных сторон донеслись негромкие смешки.

Офицеры прочих отделов полагали семантистов дармоедами и бездельниками – занимаются непонятно чем, а жалованье, награды и прочие блага получают на общих основаниях.

Ощущая, что у него вместо ног деревянные ходули, Семен вслед за командиром прошагал вокруг стола и оказался сбоку от генерала, непосредственно перед проектором: тот покажет то, что докладчик будет подгружать собравшимся офицерам, напрямую. Дублирующий канал передачи информации – просто на всякий случай.

– «Адский червь»! – с улыбкой объявил майор де ла Крус, на чем счел задачу выполненной и отступил в сторону.

Семен откашлялся и принялся докладывать.

Нервозность уменьшилась, когда он погрузился в хорошо известную ему область. Подгружал графики и таблицы, красочные, максимально упрощенные, чтобы их могли воспринять офицерские мозги, не искушенные во всякой лингвистической и когнитивной хрени. Термины вроде «конвергенции языкового и неязыкового мышления» или «структурного прайминга» встречались, но ровно в той мере, чтобы сообщение выглядело научнообразно. Экзотическая приправа для блюда из обычной курятины.

– Вы закончили, капитан? – спросил Макалистер, когда Семен замолчал.

– Так точно.

– Тогда давайте-ка уточним, что именно за чертову мутотень вы тут напредлагали. Собираетесь внедрить в активный лексикон бржудов слово, заменяющее обычное «да»?

– Заменяемая лексическая единица в языке противника имеет куда большую семантическую нагрузку, чем в нашем. Каждое предложение бржудского должно быть маркировано позитивно, негативно или вопросительно с помощью специальной частицы, как если бы мы вставляли «да», «нет» и «нет уверенности» в начало...

– Не выделяйтесь, капитан! – взревел генерал, шарахнув кулаком по столешнице. – Вы тут не телке мозги пудрите, чтобы за титьки ее полапать!

Хватая шершавые ноги...

– Эй, капитан, вы не заснули?! – Голос Макалистера шилом вонзился в ухо.

– Виноват. – Семен обнаружил, что бессмысленно пялится в стену рядом с окном. – Да, мы предлагаем заменить бржудское «да» на что-то вроде «нема базара», «зуб даю», «мамой клянусь». Смысл, в общем, тот же, но второе намного длиннее первого, а поскольку бржуды, включив это слово в лексикон, будут вынуждены пользоваться им в каждом утвердительном предложении, причем не только вслух, но и в мыслях...

– И это замедлит скорость их... э... ментального процесса? – Генерал оглянулся на проектор, замерший на финальном графике, что походил на симпатичную горную систему с пиками разного цвета.

– Так точно. Эксперименты, проведенные нами на подопытных из числа обитателей кейптаунского лагеря для пленных и интернированных лиц, дают однозначный результат.

– А внедрить это слово предполагается?..

– С помощью бржудского аналога Поля. Мы сделаем это словечко модным. Спутники-вещатели, что используются в данный момент почти исключительно для пропаганды, начнут транслировать специально подготовленные ролики, аудио и видео. Совершенно безобидные, но при этом содержащие новое слово в понятном контексте.

– Бржуды станут не только говорить с помощью этого самого «нема базара, зуб даю», но и думать, в том числе и пилоты боевых кораблей, командиры и даже навигаторы. – Голос Макалистера звучал тихо и задумчиво, а наморщенный лоб выдавал, что за ним шевелится нечто похожее на мысль.

– Так точно, – вновь подтвердил Семен. – Справка аналитического отдела находится в приложении. Прогнозируется увеличение потерь истребителей, крейсеров и прочих средств активной космической войны противника на три-пять процентов при сохранении ТТХ для обеих сторон на том же уровне.

– И для этого нужен всего лишь объем трафика на вещатели?

– И ресурсы на создание роликов, – влез майор де ла Крус, начавший опасаться, что лавры заберет подчиненный.

– Хорошо. Вы сумели меня удивить, капитан, – сказал генерал, издав не привычное гневное рычание, а нечто вроде одобрительного хрюканья. – Оставьте материалы. Решение по вашему «Червю» будет принято в понедельник, как и по бюджету вашего отдела на следующий квартал... Так, что у нас дальше?

К своему месту Семен не шагнул, а практически летел на крыльях облегчения и радости. Даже неприязненный взгляд майора, что жег спину через мундир и рубаху, не мог испортить настроения.

* * *

Бар «Черчилль» был велик, но темен и грязноват.

Увидев вывеску, обсиженную мухами и обтрепанную ветрами еще в те времена, когда жил политик, давший заведению имя, случайный прохожий наверняка покрутил бы головой и пошагал бы дальше. И совершил бы большую ошибку, поскольку внутри смешивали изумительные коктейли, а также наливали хорошее пиво, и по смешным для столицы ценам.

Распоряжался в «Черчилле» ушедший на пенсию растаман по имени Боб. От прежних времен у него осталась прическа в виде вороха дредов, а также любовь к цветастым вязаным шапочкам.

Семен задержался на работе из-за доклада по «Адскому червю», и когда приехал в бар, тот оказался полон. От двери махнул Бобу, что ухитрился одновременно наливать пиво, трясти шейкером и беседовать по душам с лежавшим мордой на стойке чуваком в дорогом костюме.

Атмосфера в «Черчилле» царила обычная субботняя.

Пару раз пожав по дороге руки, получив с полдюжины хлопков по плечу и услышав несколько приветственных окриков, Семен протолкался наконец через толпу. Вдохнул с облегчением и плюхнулся на свободный стул около углового стола под портретом Черчилля в гусарской форме.

Под ним по выходным обычно собиралось «архангельское землячество», а на самом деле компания приятелей, которым повезло родиться в одном городе и даже учиться в одной школе.

Антон и Сашка были на месте, но помимо них присутствовал лобастый обладатель новенькой формы штурмового пехотинца, как раз опустошавший бокал «огненного цветка». Фирменный коктейль Боба не только выглядел красиво, но и взрывал мозг, оставляя при этом в глотке слабенький фруктовый привкус без намека на алкоголь.

– Колян? – недоверчиво сказал Семен, вглядываясь в лобастого. – Ничего себе! Откуда ты взялся?

Поле, информационная сеть, пронизывающая и окутывающая планеты, обжитые человечеством, с началом войны оказалась слегка обрезанной. Почикали в том числе возможность автоматически отслеживать местонахождение друзей и знакомых, поскольку сведения эти для слишком многих стали очень-очень секретными.

– Сюрприз, – усмехнулся Антон, маленький и неприметный, тоже лингвист, но специалист по новому эсперанто, ныне редактор в каком-то армейском новостном листке. – Он мне брякнул вчера, сказал, что будет в столице нынче. Мог ли я упустить шанс?

– И я не мог! – Колян шарахнул по столу опустевшим бокалом, заморгал враз начавшими косить, ословевшими глазами. – Здорово, братан, тысячу лет не виделись! Как дела на фронтах?

Вопрос этот за годы войны стал чем-то вроде приветствия и вызвал обычные смешки.

Конфликт с бржудами отличался от прочих войн, что случались в истории человечества. Бои шли одновременно в десятках звездных систем в разных уголках галактики, ничего похожего на «фронт» здесь и в помине не было, а общую картину имели разве что высокопоставленные шишки из армии, правительства и секретных служб.

Первый год простой народ надеялся, что будет получать что-то помимо официальных сводок, напоминавших стул больного запором, и диких слухов, что, наоборот, отличались мощью и содержательностью поносных струй...

Ну а потом люди начали стебаться.

– Враг бежит перед нашими мощными оборонительными линиями! – выдал Семен один из традиционных ответов и пожал лапу Коляна. – Какими судьбами в наших краях?

– Сам видишь, призвали, – отозвался тот, оглаживая рукав черной гимнастерки. – Отпустили в увольнение перед отправкой... Туда, ну... ведь понимаешь, куда именно. Завтра стартуем к дальним звездам, незнакомым планетам...

Колян бодрился, даже улыбался, но было видно, что ему не по себе.

Да, война гремела вроде бы где-то далеко от метрополии, и сражались в основном бездушные железяки, от крохотных, размером с пчелу, до огромных, с раскормленный астероид. Ощущалась больше как напрягающий, суровый, но все же фон, а не повседневная жестокая реальность.

Но похорошки на Землю приходили. О том, сколько точно, не знал никто, но немало, и все больше становилось тех, кто потерял близких.

Ну а штурмовую пехоту бросают туда, где надо брать врага за глотку руками без перчаток, и потери в ее рядах ничуть не меньше, чем в истребительных частях космوفлота или в подразделениях биозачистки.

– Ладно вам, – вмешался Сашка, улыбочивый бабник, выходец из семьи рабочих, сделавший карьеру в МИД и навестивший за последний год больше экзотических планет, чем тот же Колян увидит за всю жизнь. – Давай лучше выпьем... Где там Боб и наше пиво? Мы и на тебя взяли, Семен.

Хозяин бара материализовался у стола прямиком в этот момент, словно выскочивший из лампы джинн. Тряся дредами и бормоча себе под нос, он принялся сгружать с подноса кружки, наполненные янтарным элем.

– Хорошего вечера, – пожелал Боб, и испарился.

Пиво вошло хорошо, настолько хорошо, что они повторили заказ, а потом занялись коктейлями. О серьезных вещах забыли, разве что Колян поинтересовался местом службы Семена, на что тот озвучил утвержденную «наверху» легенду. Переводчик с бржудского в Управлении стратегической информации. В общем-то даже не очень далеко от истины...

Потом к ним за стол подсел кто-то из знакомых по «Черчиллю», ему представили Коляна, пришлось выпить еще, за знакомство. Появились девчонки, Боб врубил музыку погромче, бодрые ямайские мотивы, что ложились на мозг не хуже, чем дельта-ритмы глубокого сна.

– Ну что, пора на охоту? – проговорил Сашка, склонившись к самому уху Семена, чтобы его было слышно. – Пощиплем цыпочек за их пышные бедрышки и яркие перышки.

*Хватая шершавые ноги...
Обняв углубленья колен...*

– Это что? Стихи? – недоуменно поинтересовался Сашка, и Семен понял, что прочитал вслух просочившиеся в мысленный поток строчки.

– Э, да... – отозвался он. – Тань Аошуан... стихотворец такой... современный...

Интересоваться литературой в последнее время стало модно, в Поле буквально за год возникло несколько оригинальных поэтических школ, и никто не удивлялся, услышав рифмованные строки в общественном месте...

Но еще минуту назад Семен и не думал про Тань Аошуана!

Поймал на себе удивленный взгляд Антона и торопливо потянулся к стакану с «рыдающим Пьеро», показывая, что все в порядке, что слегка задумался, вот и выскочили запавшие в память строчки на язык.

– Ага, ну-ну, – буркнул Сашка. – Ну, я пошел...

Через мгновение он оказался у стойки, рядом с сочной блондинкой в красном платье. Но и Семену поскучать не дали, на нагретое место шлепнулась рыжая бестия – вся в черной коже в обтяжку, волна кудряшек на плечах, веснушки и озорные карие глаза.

– Привет. – Она подмигнула. – Не угостишь меня чем-нибудь?

– Конечно! – отозвался Семен, пытаясь вспомнить, как зовут барышню.

Они познакомились как минимум один раз и даже изрядно отплясывали как-то на танцевальном вечере...

Но ничего, если память не справится, то можно будет и спросить. Попозже, когда они окажутся в его квартире, на роскошной, огромной кровати, предназначенной как раз для таких визитов.

– За встречу, – сказала рыжая, когда Боб приволок две «искрящиеся бомбы».

– За встречу, – отозвался Семен и прикончил свою одним глотком.

В голове предсказуемо взорвалось, он даже услышал легкое «бабах» между ушами.

Спустя несколько минут, а может быть, и полчаса они очутились вдвоем в самом тихом и темном уголке бара. Семен осознал это, обнаружив над головой прижатой им к стене рыжей портрет Черчилля, произведенный на свет немецкой пропагандой, – хищная бульдожья физиономия, толстенная сигара в пасти.

Но про британского премьера он мигом забыл, поскольку губы барышни без имени оказались сладкими, а сама она на ощупь... он разом вспотел, а волосы на затылке встали дыбом!

Но затем Семен поднял взгляд и обнаружил, что человек-бульдог с портрета грозит ему сигарой!

Капитан невольно отшатнулся.

– Ты что? – недоуменно поинтересовалась рыжая.

– Я... э-э... – Ответить Семен не смог, поскольку Черчилль, непонятным образом сошедший с картины, замахнулся кулаком.

От удара капитан уклонился, но при этом врезался в стену и ушибся плечом. Равновесие удержать не удалось, и он шлепнулся на четвереньки.

– Да ты больной! Тебе лечиться надо! – воскликнула рыжая негодуяще, отскакивая в сторону.

Она ушла, а Семен стоял на коленях и пытался осознать, что с ним произошло: вроде бы не напился до такой степени, чтобы поймать глюки; башка трещала неимоверно, и обстановка бара, знакомая до последней трещины на полу, выглядела искаженной, точно предметы вмиг изменились в размере, одни увеличились, другие уменьшились.

Вечер субботы оказался испорченным...

* * *

Отдел семантических исследований УСИ, в документах проходящий как «референт XII/I», оккупировал целых три комнаты.

В первой восседала туша майора Компрадор-Санта-Мария де ла Круса, постоянно нывшего по поводу того, что ему не положена секретарша. Вторую занимали офицеры, находившиеся у майора в подчинении, а третья именовалась «лабораторией», и стоявшее там оборудование даже время от времени пускали в ход, но много чаще бухали с девчонками-переводчицами или соседями из аналитического отдела. У них в отличие от «семантиков» народу было полно, а места маловато...

Причем комнаты располагались так, что вошедший первым делом оказывался в вотчине начальника отдела и только через нее мог попасть в офицерскую, ну а затем в лабораторию.

Утром понедельника Семен явился на службу в отвратительном настроении. Его субботнего позора вроде бы никто не заметил, кроме рыжей бестии, да и галлюцинации сгинули так же внезапно, как и появились, и он почти тут же уехал из «Черчилля»...

Но мерзкое послевкусие от события осталось, а кроме того, Семен целое воскресенье, единственный выходной, провалялся с жесточайшим похмельем, какого не испытывал очень-очень давно. Голова едва не лопнула от боли, несмотря на таблетки, а съесть хоть что-то он смог только к вечеру.

И все симптомы чуть не вернулись, когда он переступил порог.

Де ла Крус находился на рабочем месте, за огромным столом, под роскошным гербовым щитом, и вид у него был суровый, почти как у изображенного на щите геральдического льва. Не хватало только меча в лапе и золотистой гривы.

– А, вот и капитан Буряков... – протянул майор, улыбаясь притворно-ласково. – Уделите-ка мне несколько минут.

Семен вздохнул и послушно опустился на стул перед столом начальства.

Орать де ла Крус не любил, он унижал подчиненных, запутывая в паутине липких бессмысленных речей, из которых становилось понятно, что ты ничтожество и виноват во всем, начиная с первородного греха. В ответ полагалось сокрушенно кивать, горестно каяться и посыпать голову пеплом, от чего майор утихал и оставлял жертву в покое.

Ясное дело, что де ла Крус не забыл субботнего доклада, во время которого его оттерли на задний план, и что наглому выскочке-капитану не избежать непростого разговора с начальством...

Так что Семен терпел и слушал, поддакивая в нужные моменты, и давил желание послать майора подальше.

– Очень хорошо, я рад, что вы все осознали, – сказал де ла Крус в завершение. – Свободны.

Семен кивнул и покинул место экзекуции. Но только за порогом офицерской, закрыв за собой дверь, он позволил себе облегчить душу, причем на языке противника, да с помо-

щью идиоматических выражений, чтобы майор, даже услышь он восклицание, ничего бы не понял.

За общенную лексику Семен удостоился одобрителного кивка сослуживца.

Капитан Чэн Лян, еще один ксенолингвист УСИ, был китайцем во многом крайне нетипичным.

Он мог похвастаться высоким ростом, отличался удивительной для офицера неряшливостью, а о слове «церемония» мог сказать лишь то, что оно начинается на букву «Ц».

В ответ на приветствие Семена коллега помахал рукой, в которой держал огромный сэндвич типа «супербигмак». Детальки, вылетевшие из наполовину уничтоженного бутерброда, валялись на полу и на столе Чэн Ляна – кусочки сыра, крошки, огрызки помидора, волокнца укропа.

Третий сотрудник отдела, капитан О’Доннел, на прошлой неделе укатил в расположенный под Кейптауном лагерь военнопленных, именуемый обычно «район № 9». Возвращение его ожидалось не ранее пятницы.

– Как дела? – спросил Семен, усаживаясь за стол.

– Как сажа бела, – отозвался Чэн Лян, в перерывах между словами продолжая вгрызаться в сэндвич. – Ты-то по своему проекту доложил, а мне еще пахать и пахать... Таскаю поэтические сборники и исторические труды, а ты сам знаешь, какая это задница! Опять все зависло на одном из ретрансляторов. Мертвяк!

– Но с таблицей изменяемых глаголов хоть закончил?

– Они мне по ночам снятся, – буркнул Чэн Лян. – В разных временах, ну их нах.

Проект, над которым долговязый капитан трудился более года, именовался «Тенета отчаяния». В его основу легло предположение, что глаголы, стоящие в предельной модальности действия, угнетающе действуют на психику бржудов и при регулярном использовании способны довести носителя языка до того, что он покончит с собой.

Во времена Второй и Четвертой Империй аристократы зачитывались поэмами сплошь в этой модальности, ну и число самоубийств меж тамошних «графов» и «баронов» превышало все допустимые нормы.

Бржуды, к счастью для семантиков, имели долгую историю общего языка, к которому обязательно приходит любая объединившаяся раса. Если за спиной нового эсперанто, каким пользовались люди, лежало всего два века, то враг говорил на одном наречии, когда в Европе еще жгли ведьм и считали латынь венцом лингвистики.

Это помогало найти массу информации для любого проекта, но добывать ее приходилось в любом случае из бржудского Поля, а это задача была та еще, даже при возможностях Управления. Шпионские спутники, висающие в пространстве звездных систем врага, «засасывали» трафик с мощностью Пылесосов Апокалипсиса и передавали его на Землю, понятно, что не напрямую, а через сеть трансляторов-посредников.

Ясное дело, что в такой сложной системе постоянно что-то залипало и ломалось, и серфить по просторам вражеского Пространства-Отражения с той же скоростью, что и по родному Полю, удавалось нечасто. Порой офицеры часами ждали, пока скачается нужный материал...

– Ну и чем развлекаешься? – поинтересовался Семен, думая, чем заняться самому.

Все равно, пока нет решения по «Адскому червю», перспективы – в густом тумане...

– Да вон. Стихи читаю, – Чэн Лян проглотил остатки сэндвича и прокашлялся. – Неплохо написано, кстати...

*Хватая шершавые ноги...
Обняв углубленья колен...
Пиная ступню пороги...*

В первый момент Семен не уловил, что слышит эти слова не внутри головы, а ушами. А затем почувствовал себя странно, возникло желание совершить некое действие, перемешанное с ощущением, что в хорошо знакомых строчках не хватает чего-то очень важного.

– Тань Аошуан... – проямил он, с трудом двигая одеревеневшими губами и занемевшим языком.

Из памяти всплыло, что сам озвучил этот стих позавчера, но Семен поспешно отогнал неприятное воспоминание.

– Он и есть. Клево пишет, и совсем не в китайском стиле, хотя и из наших.

– Откуда он хоть?

Ответить Чэн Лян не успел, поскольку в офицерскую заглянул де ла Крус.

– Так, Буряков, ко мне! – распорядился он в необычном для себя приказном тоне.

Поймав сочувственный взгляд коллеги, Семен дернул плечами и поднялся со стула.

– Только что мне звонили из секретариата Тихони! – воскликнул майор, едва подчиненный закрыл за собой дверь. – Наш «Адский червь» принят к исполнению! Поздравляю вас, капитан!

– Служу Земле, – по-уставному отозвался Семен, ощущая легкое головокружение.

Выходит, его позвали вовсе не для нового разноса?

И вообще новости отличные – не зря пахал как проклятый, общаясь с уродливыми бржудами из «района № 9» больше, чем с сексуально привлекательными столичными девушками! А там, глядишь, медаль подкинут или повысят в звании, особенно если де ла Крус уйдет на полковничью должность.

– Но это не значит, что мы с вами должны почивать на лаврах. – Майор перевел тумблер «строгость» в положение «Вкл.». – Нас ждет очень-очень много работы, капитан. Прямо сейчас мы должны прикинуть, что нужно сделать в первую очередь, каких сторонних экспертов пригласить...

Но испортить благодушное настроение, в котором оказался Семен, в этот момент не смог бы и боевой астероид класса «Фаэтон», вздумай он обрушиться прямиком на штаб-квартиру УСИ.

* * *

Переговорную для общения со сторонними экспертами де ла Крус урвал высшего разряда. В уютной комнате вкусно пахло хорошим кофе и сигарами, из окон открывался вид на столицу, на парки вдоль реки и транспортный узел на другом берегу, а мебель вовсе не напоминала о «казенщине».

– Теперь вам понятно, капитан, почему я не стал приглашать гостей к нам? – заявил майор, с удовлетворением на круглом лице изучая обстановку. – Тут дело не только в наличии допуска соответствующего уровня... Люди искусства, они же нас уважать не будут, если увидят нашу лабораторию. Военская простота им не может быть по нутру!

Семен кивал и поддакивал, слушая оду самому себе в исполнении начальства.

«Людей искусства» нашли в управлении пропаганды Министерства иностранных дел. Чтобы и допуск к секретам не оформлять заново, и на бржудском хоть как-то говорили и писали, и культуру противника знали достаточно хорошо, чтобы грубых ляпов не допустить.

Ну а зачем им придется снимать всю эту чуму, гостям знать не обязательно.

– Ну что, время? – сказал де ла Крус, наморщив лоб, и тут дверь открылась.

В переговорную вошел лейтенант из безопасности, приставленный к сторонним специалистам «ради их собственной безопасности», следом вплыл мужик в клетчатом пиджаке, еще толще майора. А за ним шагнула, блеснув глазищами из-под копны рыжих кудрей,

девица из «Черчилля»! Пусть не в черной коже в обтяг, а в строгом костюме цвета морской волны, она все равно выглядела так, что Семен мигом взопрел... Нет, он, конечно, видел в списке гостей женское имя, но и представить не мог!..

– Добро пожаловать! Проходите! – залопотал майор, изображая дворянско-кастильскую галантность. – Господа Прачек и Кван, как я понимаю? Госпожа Соренсен?

«Магда Соренсен, сценарист», – вспомнил Семен.

Эх, если бы она еще не вспомнила, где и когда они встречались в последний раз!

Но рыжая уже направлялась к нему, задорно цокая каблучками и улыбаясь, немного ехидно, немного призывно.

– Э... привет, – сказал он, надеясь, что если и покраснел, то не слишком сильно. – Рад... э... видеть...

– Я тоже, – отозвалась Магда. – Ты в порядке? Чертей сегодня ловить не будешь?

– Пока не планирую. – У Семена отлегло от сердца: если она обратила дело в шутку, то все нормально, барышня не обижается, а ведь будет и следующая суббота, и тот же бар. – Мы теперь работаем вместе?

– Похоже на то. – Она оглянулась туда, где народ столпился вокруг кофемашины. – Рада этому, честно. Ладно, пойду чашечку выпью... Не скучай.

Прежде чем отойти, она протянула руку и пальчиком мазнула Семена по щеке. Обдала тонким, едва уловимым запахом духов, от которого закружилась голова, и зашагала прочь. Вот кому надо стихи Тань Аошуана читать!

Кофе-брейк оказался коротким, через пять минут де ла Крус решил, что пора заняться делом. Толстый режиссер уселся, развалился в кресле так, что фалды пиджака разошлись, обнажив рубаху на брюхе. Магда с корейским коллегой-сценаристом расположились по сторонам от него. Лейтенант-безопасник опустил на стул у двери.

– Поздравляю вас с началом общей работы в нашем проекте, – сказал майор. «Адского червя» перед сторонними экспертами он упомянуть постеснялся. – Моим содокладчиком будет куратор проекта капитан Буряков... Прошу вас.

Как обычно, де ла Крус надувал щеки, а дело оставлял подчиненным.

Семен поднялся, встал рядом с проектором.

Ситуация нынче куда проще, чем в кабинете Тихони на прошлой неделе, – объяснить задачу гостям, ответить на вопросы, пообещать всю помощь, какую отдел только может оказать, и поставить четкие сроки на каждый этап – написание сценариев, подбор бржудов-актеров в «районе № 9», съемки, монтаж и постобработку. И при этом не сбиться, глядя на приятные выпуклости, что вырисовываются под узким пиджачком Магды.

– Нам необходимо... – начал Семен и тут же сбился.

Хватая шершавые ноги...

Обняв углубленья колен...

Пиная ступнею пороги...

Несу в груди печали тлен.

– Эй, капитан, что с вами? – в голосе де ла Круса прозвучала тревога.

Семен обнаружил, что отправил четверостишие всем, кто находился в аудитории, что оно намертво зависло на экране проектора, но не смог вспомнить, каким образом провернул этот трюк...

Да и зачем он это сделал?

В голове царила звенящая пустота, внутри черепа что-то шевелилось, будто там завелись червяки.

– Я... – прохрипел Семен пересохшим ртом, а затем осознал, что не может говорить.

Что-то случилось со зрением, цвета исчезли, остались лишь черный и белый, зато очертания предметов приобрели бритвенную остроту, каждый угол, всякая грань болезненно кололи глаза.

Он повернулся, вскинул ладони ко рту, словно надеялся с их помощью разогнать немоту.

Увидел изумление на личике Магды, что сейчас казалось чужим, нечеловеческим, искаженную от страха круглую физиономию де ла Круса, вскочившего со стула лейтенанта-безопасника. А затем переговорная закружилась, превратилась в набор бело-черных полос, напоминающих рисунок на боку танцующей зебры, и поплыла в сторону.

– Код тринадцать! Код тринадцать! – закричал лейтенант, и на этом внутри Семена что-то испортилось окончательно.

* * *

Комната, где он пришел в себя, была маленькой и сплошь белой, от пола до потолка.

Места тут хватало для кровати, на которой лежал Семен, для тумбочки у изголовья, табуретки и экрана медицинского комплекса на стене. Через раскрытое окно доносилось пение птиц, виднелись закутанные в туман кроны, но эту картину уродовала решетка, словно украденная из древней тюрьмы.

И еще не хватало допуска к Полю, что имелось на Земле всюду, от вершин гор до дна морей. Ну, кроме специально ограниченных мест вроде штаб-квартиры УСИ.

Когда он пошевелился, стало ясно, что на голову надето что-то плотное, шуршащее. Зеркало на стене отразило встревоженную бледную физиономию, круги под глазами и шапочку из блестящего серебристого материала, что слегка напоминала кипу.

«Где я?» – подумал Семен, и тут воспоминания хлынули потоком, заставив его содрогнуться.

Переговорная, гости, четверостишие... и припадок, иначе это не назовешь! Возникло желание соскочить с кровати и шапочкой вперед в окно, чтобы сломать решетку, и всмятку о землю...

– Где я? – повторил Семен вслух, и язык его послушался.

Ну, хоть это слава богу... хотя в голове все равно непорядок.

В чем именно он заключается, понять не удавалось, но ощущение возникало вроде того, что бывает, когда тебе удалят зуб – пустое место там, где недавно располагалось нечто осязаемое. Но тут «клыков» и «резцов» словно было с полдюжины, каждый размером с кулак, и все в мозгу. Как они только там помещались?

Но тут же об этом забыл, поскольку дверь открылась, и вошел человек, которого Семен менее всего ожидал увидеть в этот момент. Через порог шагнул не кто иной, как Антон, в скромном армейском мундире, с улыбкой на физиономии.

– Привет, – сказал он как ни в чем не бывало. – Как самочувствие?

– Э... Нормально... А ты что тут делаешь? И где я? Что это у меня на башке такое? – Раздражение и негодование прорвались лавиной вопросов.

– Успокойся, иначе придется вновь прибегнуть к транквилизаторам. – Антон говорил тихо, размеренно, почти шепотом, заставляя собеседника напрягать слух. – Блокиратор не снимай. Иначе может повториться то, что случилось в Управлении... Ты же не хочешь этого?

– Н-нет... – Семен, решивший уже встать, лег обратно.

– Так гораздо лучше. – На лице Антона появилась улыбка. – Теперь слушай меня. Какой именно семантикой ты занимался у себя в отделе, я в курсе, тебе же о том, где работаю я, знать не положено, но в определенном роде мы коллеги, если ты диверсант, то мы работаем над контрдиверсиями...

Слегка покалеченный мозг Семена закипел от вопросов, но в этот раз он прикусил язык, озвучил лишь один:

– Значит ли это, что бржуды тоже, как и мы?..

– Несомненно, – ответил Антон, усаживаясь на табуретку. – Они не глупее нас. Вышли в космос намного раньше, а это о многом говорит... У них есть аналог нашего УСИ, и кто там занимается новым эсперанто так же, как ты высокобржудийским.

– Ну, это логично, да...

– Переходя к тому, что случилось с тобой... Начнем с того, что человека по имени Тань Аошуан не существует. Стихи, что сделались модными в последний год, есть. Имеется аккаунт в Поле, множество записей от его имени, видео- и аудиофайлы, но поэта такого нет.

Семен поднял руку, чтобы почесать макушку, но наткнулся на ту же шапочку.

– Выходит... это диверсия? Семантическая? Вроде тех, какие мы придумываем? «Адский червь» по-бржудски? Но как он работает и чем опасны стихи? Они же обычные!

Он попытался вспомнить хотя бы строчку из тех, что не так давно написал на экране проектора, но не смог. Зато тут же заныла голова, гулко забилося сердце, и экран медком-плекса озарился багровыми сполохами.

– Успокойся! – уже более настойчиво произнес Антон и небрежным жестом отослал заглянувшую в комнату медсестру. – Просто лежи и слушай, не напрягайся. Блокиратор подавляет опасную для тебя же активность мозга, и процесс его работы может сопровождаться неприятными побочными эффектами.

– Ага, да, понял... – Семен откинулся на подушку, заставил себя не думать ни о чем.

Через несколько секунд голова перестала болеть, да и сердце успокоилось.

– Так гораздо лучше, – повторил Антон. – Вам же читали нейролингвистику? Помнишь теорию «сенсорного мышления»? Тот факт, что при употреблении существительных, относящихся к телу, а также кинетических глаголов в мозгу человека активируются те зоны, что ответственны за соответствующие движения и части тела. Например, сказав «ударил кулаком», я привел в возбуждение те же нейроны, с помощью которых моя рука складывается в кулак и наносит удар. Причем активация произошла не только в моем мозгу, но и в твоём.

– Ну, слышал... Вроде было что-то такое...

– Теория доказана еще в начале двадцать первого века на материале ныне вымерших языков – русского и английского, – продолжил Антон. – Но в новом эсперанто, с его менее полисемантическими глаголами, совпадение по нейронным сетям еще выше. Цитировать Тань Аошуаня я не буду, это вредно, но напомним, что он употребляет кинетические глаголы: «пнуть», «нести», «тащить», «бросить». Частота использования сенсорных существительных вроде «кулак», «палец», «спина» тоже куда выше нормы. Прилагательные и те сплошь такие, какие можно ощутить телесно, – «шершавый», «холодный», «кислый»... Каждая строка порождает в мозгу некий сигнал, а четверостишие и целый стих – набор сигналов, простых стимулов, что складываются в один большой и сложный.

– Настроенный на то, чтобы спутать работу того же мозга, – сказал Семен.

– Хорошо иметь дело со специалистом. – Антон позволил себе одобрительную улыбку. – Не нужно разжевывать до манной каши... Но одних стихов недостаточно. Если бы они сами по себе вызывали фатальные сбои в мозгу человека, то никто бы не смог их читать. Нет, они должны войти в резонанс с набором стимулов, что возникли в мозгу по естественным причинам. Скажем, одна поэма сработает, если ее прочесть после того, как подпрыгнешь и ударишься, другая в сочетании со сладкой едой и уколom вилкой...

Семен поморщился, вспоминая... всякий раз, когда он «выключался», начиная с того случая в кабинете Тихони, он так или иначе воспринимал, мысленно или в реальности, один предмет, даже два, очень сенсорных и для мужчин значимых...

– Ну а если спусковой крючок дернуть, то может произойти что угодно... эхалалия и афазия, метаморфопсия и онейроидный синдром, фиксационная амнезия и амнестическая дезориентировка, иные неприятности вплоть до кататонического ступора и слабоумия.

«Шарики за ролики», – обобщил Семен про себя, а вслух же спросил:

– А почему вы до сих пор не уничтожили творения этого Тань Ашуаня?

– Сами во всем разобрались только неделю назад. – Антон пожал плечами. – Удаление его текстов из Поля началось мгновенно, но кто успел закачать себе, да прочитать не по разу...

– А что такое «код тринадцать»?

– А, ты слышал? Разработанная нами процедура действий в случаях вроде твоего. Обычных граждан убережешь мы не в силах, их слишком много, ну а тех, кто служит Земле на видном посту и кого прихватило на службе, мы можем спасти...

– И заодно изучить как следует, – буркнул Семен.

Антон хмыкнул:

– Это само собой. Глупо упускать такой случай. Полежишь здесь, под присмотром. Недельку так, затем, в случае положительной динамики, вернем допуск к Полю и разрешим посетителей... Только никакой литературы, особенно поэзии, особенно современной. Догадываешься почему?

Семен уныло кивнул. Неделя без Поля, в котором привык купаться едва не с рождения, куда заходишь ежеминутно, если ты не на службе! Без общения, без книг, в четырех стенах, да еще и с дурацким блокиратором на макушке! С ума сойти!

Хотя он и так чуть не сошел...

– А что будет с «Адским червем»?

– Ничего страшного. Месяц де ла Крус обойдется без тебя, а затем вернешься. Отдыхай пока, слушай докторов, а завтра я снова загляну. – Антон поднялся и выскользнул из комнаты, оставив Семена наедине с его кастрированными мыслями.

Он откинулся на подушку, но тут же обернулся на донесшийся от окна стук. За решеткой по подоконнику скакала толстая пучеглазая синица, немного похожая на генерала Макалестера. Простого червя она наверняка встретила бы с энтузиазмом. А вот адский ей только испортил бы аппетит...

Антон Первушин. Красное идет

Все ведь живет, все одушевлено: допустите существование всех этих вновь открытых животных, а также всех тех, которые, как это легко понять, еще могут быть открыты, добавьте сюда и тех, что мы всегда здесь видели, – и вы, конечно, поймете, что Земля сильно заселена и что природа весьма щедро разбросала по ней живые существа – настолько щедро, что ничуть не страдает от того, что половина их недоступна зрению. И неужели вы считаете, будто, доведя здесь свою плодovitость до крайности, она для всех остальных планет осталась настолько бесплодной, что не произвела там ничего живого?!

Бернар де Фонтенель

«Беседы о множественности миров» (1686)

Не подлежит никакому сомнению, что глубоко заблуждается всякий, кто серьезно считает возможным и надеется с большей или меньшей близостью к действительности описать обитателей других планет, выяснить условия их существования, их строение и образ жизни, их физическое, нравственное и интеллектуальное состояние. Хотя мы с полной уверенностью утверждаем, что обитаемые миры многочисленны, но мы самым решительным образом отрицаем всякое желание вывести отсюда заключение, будто на этих мирах мы предполагаем существование таких людей, которые населяют нашу Землю.

Камилл Фламмарин

«Многочисленность обитаемых миров» (1864)

Может быть, еще не все потеряно и наши поиски жизни будут не совсем безуспешны? Может быть, за растениями – животные, а за астроботаникой – астрозоология? А вдруг мы натолкнемся на странных – конечно, с нашей, земной, точки зрения – животных? Наверное, у них большие легкие, ибо воздух разрежен и в нем мало кислорода. Наверное, у них сильно развиты органы слуха, ибо звуки плохо проходят в разреженной атмосфере. Подобно обитателям наших пустынь, они должны запасать в своем теле воду, ибо надо экономить драгоценную влагу в суровом сухом климате.

Борис Ляпунов. «Мечте навстречу» (1957)

1

– Я этого не забуду, – сказал Остапенко. – И не прощу.

– Чего не простишь? – спросил Кудряшов.

Он не смотрел на собеседника, сосредоточенно набивая трубку. Они сидели в оранже-
рее – единственном месте экспедиционной базы, где дозволялось курить. И Кудряшов торо-
пился выполнить свой незамысловатый ритуал.

– Четыреста тонн морозоустойчивой пшеницы, специальный сорт, – сказал Оста-
пенко. – Зачем? Это ведь не свинство даже. Подлость! Мы могли изменить этот мир, снова
сделать его живым! А теперь...

– Не драматизируй, – сказал Кудряшов. – Подлость тут ни при чем. Законы небесной механики никто не отменял. Тут или-или. Или зерно, или эвакуация.

– С эвакуацией можно было обождать, – сказал Остапенко. – Прислали бы второй транспорт...

– Нет второго транспорта, – сказал Кудряшов. – И в ближайшие годы не будет. Сам же слышал, какой там бардак. Заводы стоят, деньги обесцениваются, тотальный дефицит, границы проводят...

Они помолчали. Кудряшов раскурил трубку. Тяжелый ароматный дым поплыл по оранжерее, утягиваемый системой вентиляции.

– Как так получилось? – спросил Остапенко. – Нет, понятно, конечно, реформы, проблемы переходного периода, все давно назрело и перезрело, но рушить огромную страну, разбирать ее по этим... республикам... Зачем? Ради чего? Это же колоссальный шаг назад! Взять те же производственные связи. На наш проект свыше миллиона человек работает, по всем краям... Как теперь осуществлять кооперацию с границами и таможнями?

– Ты на это с другой стороны посмотри, – сказал Кудряшов. – Весь мир насилья мы разрушим до основания, а затем...

– Глупая шутка, – сказал Остапенко. – Кухонный юмор. Умнее ничего не можешь придумать, товарищ замполит? Речь ведь не только о проекте, но и о жизни... о жизнях!..

– О-хо-хо... – Кудряшов затыкнулся особенно глубоко и выдохнул, окутавшись дымом. – Если, товарищ научрук, тебя действительно интересует мое мнение замполита, то я отвечу просто: приказы Москвы не обсуждаются. Политическая ситуация требует беспрекословного подчинения. Иначе – хаос, анархия, ненужные жертвы. Да, мы уходим, но, возможно, еще вернемся. Так тебя устроит?

– Нет, – отозвался Остапенко. – Так меня не устроит. Объясни мне, как получилось, что мы сдаем все завоеванное – немалой кровью, между прочим, завоеванное, – сдаем без единого выстрела, без сопротивления. Ведь в нас верили... и сейчас верят. Мажоиды верят, Кхас верит. Мы им дали надежду на лучшее будущее, на расцвет вместо угасания. И теперь – что? Извините, до свидания?.. Вот ты говоришь: избежать хаоса, анархии, беспрекословное подчинение. Но здесь как раз и начнется хаос, если мы уйдем. Без идеи, без веры в то, что мы знаем, как лучше, красные долго не продержатся. Есть, знаешь ли, такой императив: мы в ответе за тех, кого приручили... И что? Мы не желаем отвечать? Но ведь это... это... предательство!

Кудряшов докурил и принялся выбивать трубку, постукивая по краю импровизированной пепельницы, изготовленной из контейнера для сбора малоразмерных геологических образцов.

– Напомню, – сказал он, – что романтический императив Экзюпери, на который ты ссылаешься, имеет, скорее, экологическое содержание, чем нравственное. А мажоиды – не животные, они – мажоид сапиенс сапиенс, как их называет Ирина. И Кхас твой – вполне половозрелое дееспособное существо. Мы им оставим наше продовольствие, нашу оранжерею и колодцы. Оставим гелиостанцию. Разберутся как-нибудь, справятся. Твоя же задача, товарищ научрук, не предаваться рефлексии, а начинать консервацию лабораторий и хранилища. Я поговорю с Михаилом, чтобы он дал тебе полную ракету под коллекцию образцов. Бери только самое ценное и уникальное. Пять тонн должно хватить.

– И все же! – Остапенко повысил голос. – Ты уходишь от ответа! И я даже знаю, почему ты уходишь от ответа. Потому что тогда нужно будет признать, что вся ваша партия – предатели. Придется признать, что вы десятилетиями манили нас утопическим миражом, что мы убивали и умирали ради химеры, что мы несли не свет, а ложь.

– Но-но-но! – Кудряшов тоже повысил голос. – Это и твоя партия, не забывайся. Членский билет небось не сжег еще, как некоторые? Да, мы рассчитывали на человеческую

сознательность. Думали, что народ достаточно грамотен, чтобы понимать, зачем нам все эти планеты. Образовывали, старались. Но народу оказались важнее колбаса и джинса. И если народу важнее колбаса и джинса, значит, партия должна обеспечить ему и то, и другое. И так обеспечить, чтобы тошнить стало. Хотел откровенности? Вот тебе откровенность!

Остапенко наклонил голову, стиснул пальцы в кулаки, расслабил. Видно было, что он справился с эмоциями.

– Ладно, – сказал он. – Все это теория. Перейдем к практике. У меня сегодня встреча с Кхасом. Что ему говорить?

– Сам решай, – отрезал Кудряшов. – Кхас – твой проект. Можешь дать всю правду. Можешь упрощенную версию. Но на твоём месте, если откровенно, я ничего не стал бы говорить. Наши планы и решения – не его дело. Со своими проблемами пусть разбираются самостоятельно. *Nothing personal, it's just business*, как говорят наши заклятые американские друзья.

2

На последнем километре дороги двигатель краулера начал взрывать и громко чихать. Остапенко опасался, что застрянет посреди канала, но машина все же вытянула до высокой каменной аэлиты на границе оазиса-поселения, где обычно дожидался Кхас.

Было три часа пополудни, солнце стояло высоко, а температура за бортом поднялась до плюс пятнадцати по Цельсию – практически летняя погода, редкая для середины осени. Научрук оставил доху в вещевом ящике, но плотно зашнуровал спецкостюм, надел очки-консервы, регенеративный респиратор, баллон с кислородом, проверил работу клапанов и мембранной коробки. Потом разгерметизировал кабину и встал на плотный грунт.

Древний канал окончательно пересох лет за тридцать до начала работы первой экспедиции, такырные трещины забил наносной песок, и они угадывались лишь в отдельных местах на откосах. Вверх по руслу, километрах в пяти, были хорошо видны развалины какого-то мощного сооружения: то ли насосной станции, то ли шлюза-регулятора – точно сказать нельзя. Севернее этих руин, обозначенных на картах под безликим индексом «С7», никто пока не заходил: там был низкорослый лес из кривых, жмущихся к грунту деревьев, похожих на земной саксаул, и там была территория черных мажойдов, стремительных и опасных, избегающих контактов с людьми и ведущих, по-видимому, ночной образ жизни. Когда-нибудь черными мажойдами пришлось бы заняться всерьез, и командир экспедиции полковник Каравай строил по этому поводу всевозможные планы, однако им, похоже, теперь не суждено было воплотиться в жизнь.

Остапенко постоял, привыкая к сухому разреженному воздуху и поглядывая в сторону руин «С7», потом без спешки вразвалочку направился вверх по откосу, к каменной аэлите. С этими изваяниями, встречавшимися часто по берегам каналов, тоже еще не разобрались. Они были определенно антропоморфными и при первом осмотре вызвали у причастных воспоминания о половецких бабах, выставленных во многих краеведческих музеях Союза. Однако на том сходство исчерпывалось: Стеблов, единственный археолог экспедиции, утверждал, что аэлиты – это не столько изваяния, сколько вертикальные плиты, покрытые плотными рядами петроглифов, а их кажущаяся антропоморфность является следствием игры человеческого воображения, склонного упорядочивать даже очевидный хаос, вычленив в нем знакомые очертания. Датировать аэлиты не получилось. Было ясно, что они построены сравнительно недавно, то есть в эпоху высыхания каналов и связанного с этим заката местной цивилизации, но кто их ставил и зачем, не знали и старейшины. По крайней мере так говорил Кхас, а Остапенко ему верил – почему бы не верить?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.